

Ю. АМИТРИЕВ

Золотой ПОЕЗД

Ю. ДМИТРИЕВ

Золотой ШОЕЗД

П О В Е С Т Ь

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОФТЕХИЗДАТ
Москва 1960

1

Мелкий, не по-летнему холодный дождь моросил с утра. Порывистый ветер бросал дождевые струи из стороны в сторону, и Андрей, подняв воротник пиджака и поглубже натянув кепку, не знал, куда повернуться, чтобы дождь не бил в лицо. Напрягая зрение, он внимательно оглядывал кусты и то и дело бросал взгляд на еле приметную в темноте сторожку. Изредка, приглушенные шорохом дождя, доносились звуки ночного города. Проехала машина, протарахтела какая-то повозка — и снова тишина. Где-то заливисто залаяла собака, щелкнул сухой револьверный выстрел и лай перешел в жалобный визг. Второй выстрел заставил собаку умолкнуть.

— Вишь, собака кому-то помешала.

Андрей быстро повернулся на знакомый голос. Хозяин сторожки стоял рядом, опираясь на суковатую палку, и печально качал головой.

— Когда ж это кончится-то? — снова тихо спросил он, обращаясь не то к Андрею, не то к самому себе.

Андрей ничего не ответил, и старик, постояв еще немного, исчез так же неслышно, как и появился, — будто растворился в темноте.

Чтобы хоть как-нибудь согреться, Андрей стал думать о своем паровозе, о пышащей жаром топке. Постепенно мысли перенеслись в депо и опять вернулись к мучившему его весь день вопросу: что произошло?

Андрею и раньше случалось оповещать членов ревкома о времени и месте заседаний. Но всегда это делалось заранее — за день, а то и за два. А сегодня ревком собрался срочно. Предревкома Шагов послал Андрея и хозяина сторожки на пустырь караульными.

Андрей потерял счет времени. Ему казалось, что ходит он очень долго, хотя едва ли прошел час, как он стал на свой пост.

Лишь только закрылась за Андреем дверь, Шагов начал без предисловия:

— В прошлом году, в связи с чрезвычайным положением, Советское правительство эвакуировало часть золотого запаса республики из столицы в Казань. Во время мятежа белочехи захватили золото и привезли его сюда, в Сибирь, чтобы передать Колчаку. — Шагов помолчал и резко добавил: — Но передача не должна состояться! Золото должно быть возвращено его законному хозяину!.. Вот чем, товарищи, вызвано сегодняшнее срочное заседание.

Наступила долгая пауза. Огонь коптилки нервно бился в махорочном дыму, бросая сла-

бый желтый свет на лица ревкомовцев.

— И ты предлагаешь...— прервал, наконец, молчание Марков, высокий худой человек с бескровным, заросшим седой щетиной лицом.

Шагов встал и прошелся по комнате. Старые расшатанные половицы жалобно закрипели под его грузным телом. Огонек коптилки метнулся в сторону и зачадил сильнее.

— Я ничего не предлагаю, — ответил Шагов, в упор глядя на Маркова. — Есть приказ из Москвы. Для нас это закон. И мы приказ выполним, чего бы нам это ни стоило.

— Я же не о том, — Марков снизу вверх, прищурившись, посмотрел на Шагова, — приказ есть приказ, мы, конечно, его выполним. Весь вопрос — когда и как?

— Это должен решить ревком.

Снова наступила тишина. Было слышно, как шумит за стеной ветер и чуть потрескивает фитилек коптилки.

— Известно ли нахождение эшелона с золотом? — опять нарушил молчание Марков.

— Известно.

— Отбить — мы отобьем, — представитель железнодорожников, машинист Лавров, положил на стол свои огромные, тяжелые руки. — Отобьем, — уверенно повторил он. — Но как

дальше? Без дороги не поедешь, однако. А на дороге...

Шагов быстро взглянул на него.

— В том-то все и дело. Захватить поезд хоть и нелегко, но с этим мы справимся. А вот доставить его в центр... Нам надо все предусмотреть, все предвидеть, а это ведь немислимо.— Он помолчал и тихо добавил. — Говоря откровенно — доставить золото в центр почти невозможно. Но не выпснить приказ правительства тоже невозможно.

— Да, не выполнить его невозможно, — раздумчиво проговорил Марков, — хотя смысл приказа мне не совсем ясен. Ведь рано или поздно мы разобьем Колчака, и это золото достанется нам как трофей, — он улыбнулся, но тотчас же снова стал серьезным. — Прошу понять меня правильно: я ни секунды не сомневаюсь, что приказ правительства должен быть выполнен. Но верно ли мы понимаем приказ? — он опять снизу вверх посмотрел на стоящего у стола Шагова.

— Приказ мы понимаем правильно: отбить у врага золотой запас и доставить его в республику, — четко произнес Шагов. — Неужели вы не догадываетесь, чем вызван этот приказ? Ведь Колчаку скоро конец...

— Тем более.

— Да, Колчаку скоро конец, — продолжал Шагов, — именно потому правительство приказывает спасти золотой фонд республики.

Шагов вдруг удивительно ясно представил себе Ленинский кабинет, в котором он был в прошлом году. Тогда Ленин и Свердлов долго беседовали с ним, расспрашивали о поло-

жении в Сибири. На всю жизнь запомнил Шагов голос, услышанный им всего один раз.

И, может быть, сейчас Ильич говорит Свердлову:

— Вы понимаете, Яков Михайлович, как это важно для нас? Ведь через короткое время, когда буржуазные страны вынуждены будут признать нас, мы будем торговать со всем миром! И, кроме того (здесь Ленин, наверное, возьмет Свердлова за рукав), ведь это золото принадлежит народу, а оно может пропасть! Это архиважно!

Шагов посмотрел в напряженные лица ревкомовцев.

— Политические авантюристы, как только они почувствуют свою гибель, попытаются бежать за границу. И в первую очередь они прихватывают не своих верных слуг — на кой черт они там! — а везут с собой золото. Керенский, этот мерзавец, распинавшийся о свободе и демократии, не забыл на всякий случай перевести в заграничный банк 350 тысяч рублей золотом! У Колчака нет возможности перевести деньги в банк. Но, покидая русскую землю, которую он сейчас пытается «освободить», он в первую очередь прихватит с собой золото...

Сильный порыв ветра ударил в стену сторожки, и Шагову показалось, что на пустыре кто-то вскрикнул. Посмотрев на ревкомовцев, он понял, что те тоже слышали. Не колеблясь, Шагов выхватил из кармана маленький листок и сунул его в огонь коптилки. Тонкая бумажка вспыхнула и рассыпалась по столу кудрявыми пепельными комочками. Марков

бросился к двери, но она сама распахнулась, и на пороге, сжимая в руке револьвер, вырос чешский офицер. Окинув всех быстрым взглядом, он на ломаном русском языке крикнул:
— Руки вверх! Выходить по одному!

2

Бывший жандармский ротмистр Еремеев, произведенный недавно за особые заслуги — подавление крестьянского восстания и расстрел заложников — в подполковники, стоял перед начальником контрразведки бароном Бутбергом.

— Ну-с? — барон поднял голову и приветливо улыбнулся Еремееву. — Всех привели? Вводите по одному. И начнем с главаря — Шагова.

Еремеев не двигался.

Почувствовав что-то неладное, Бутберг вскочил с места и впился своими маленькими неподвижными, как у змеи, глазками в лицо Еремеева.

— Ну-с? — прошипел он. — Ну же! вдруг взвизгнул Бутберг.

— Так что, господин полковник, когда мы через верного человека получили сведения о сборе большевиков, я по вашему приказанию взял полуроту солдат, окружил пустырь и стал тихонько подбираться. Темень и дождь как раз способствовали. Но у них часовые справа и слева выставлены. Чтоб не спугнуть и захватить всех, я послал пластунов для снятия этих часовых. Но пока мои солдаты подбирались...

— Быстрее же! — опять взвизгнул Бутберг. — Ну-с! Что? Ушли?

— Никак нет. Чехи...

— Какие чехи, почему чехи?

— Понять невозможно, ваше благородие. Откуда ни возьмись, чехи. Человек двадцать, а может, и тридцать. Сняли часовых, ворвались в эту сторожку и увели всех.

Полковник некоторое время продолжал смотреть на Еремеева и вдруг с такой силой ударил кулаками по столу, что подпрыгнул массивный чернильный прибор.

— Это черт знает что! — заорал он багровея. Длинный и тощий, с болтающимися, как на шарнирах, руками, он выбежал из-за стола и заметался по кабинету.

— Я уже докладывал Александру Васильевичу. Я не могу так работать! Кто, в конце концов хозяева России — мы или чехи? Ну, помогли нам справиться с большевиками на Волге и в Сибири. Ну, спасибо! Мы сумеем вас отблагодарить со временем. Но сейчас дайте нам самим управлять матушкой-Россией! Ну-с?

Еремеев стоял навытяжку и молчал: он по опыту знал, что в такие минуты лучше не возражать. Но полковник будто забыл о нем и продолжал метаться по кабинету, выкрикивая бессвязные ругательства. Вдруг он резко остановился перед Еремеевым.

— Вы тоже, черт вас возьми, хороши! Упустили! Ну-с? Чехословацкая разведка работает в тысячу раз лучше нашей! — он яростно выплюнул окурок на пушистый ковер, покрывающий пол, и снова забежал из угла в угол.

— Куда чехи повели арестованных?

— Не могу знать.

— Болван! Не могу знать! Нам многое надо узнать! А чехи их сейчас пустят в рас-ход — и все.

Полковник схватил телефонную трубку, и по тому, как изменился его тон, Еремеев догадался, что Бутберг разговаривает с командующим чешскими частями, расположенными в городе.

Позвони Бутберг в другое время — чешский генерал, возможно, и заинтересовался бы его сообщением, но сейчас звонок оторвал генерала от ужина, а этого он терпеть не мог. Выслушав Бутберга, он поморщился.

— Ну и что?

— Для нас, господин генерал, очень важны эти люди...

— Для нас тоже, — перебил чех, — мы не важных не арестовываем. Что? Да, уже расстреляли, — он посмотрел на почтительно застывшего у дверей денщика с дымящимся кофе на подносе и резко повторил: — да, расстреляли! Мы расстреливаем сразу. А вы не зевайте, как говорят русские, работать надо уметь, — и повесил трубку.

— Расстреляли! — зло процедил полковник. — Это они умеют! Убивают, как бандиты с большой дороги. Культура называется, Европа! А допросить человека, обработать его, как колбасу, чтоб не только внутренности, но и душу вывернуть наизнанку — это они перестали понимать.

— Осмелюсь спросить — точно установлено, что группу Шагова расстреляли?

— Точно! — полковник вновь забежал по комнате.

— Но там же был наш человек! Осмелюсь доложить — очень ценный человек.

Полковник махнул рукой: сейчас, мол, уж все равно.

Выйдя из кабинета начальника, Еремеев облегченно вздохнул: наконец-то можно прийти в себя, собраться с мыслями. Он медленно пошел по улице, инстинктивно держась в тени домов. По небу, ныряя в разорванных тучах, плыла луна. Дождь прекратился, но с крыш иногда еще скатывались тяжелые капли и звонко падали в лужи. Это, пожалуй, были единственные звуки, нарушавшие тишину ночного города. Но Еремеев знал, что тишина эта обманчива. В глухих подвалах контрразведки допрашивают и пытаются большевиков или заподозренных в большевизме. Во дворе тюрьмы и за городом расстреливают приговоренных. Знал он, вернее чутьем опытного жандарма угадывал, что где-то рядом не спят и другие, страшные для него люди — железнодорожники, рабочие кирпичного и цементного заводов, грузчики, мукомолы. Не спят потому, что готовят смерть всей армии «верховного правителя» и ему, Еремееву. Пусть арестован ревком — они все равно живут и будут жить, будут бороться. Это Еремеев знал по опыту. Так было не раз — и в 1905, и в 1912, и в 1915...

Мысли бывшего ротмистра снова вернулись к сегодняшней провалившейся операции. Он скрипнул зубами. В эту минуту Еремеев ненавидел всех — и большевиков, и чехов, и

полковника Бутберга. Но больше всего злился он на себя. Шутка ли, чуть не захватить председателя ревкома — и так опростоволоситься! Ведь, кажется, все было продумано до мелочей, заранее окружен пустырь... А из-за глупой случайности Еремеев и не доставил в контрразведку ревкомовцев, и, мало того, потерял своего осведомителя, с которым работал уже пять лет.

Еремеев вспомнил весну пятнадцатого года. Тогда он только что получил чин ротмистра и всячески старался показать начальству, что достоин носить золотые погоны жандармского офицера. И ему повезло — он получил сведения о большевистской организации, ведущей работу среди солдат учебного полка. Выследив членов организации, он вскоре арестовал всю группу. Одиннадцать человек смело смотрели в глаза жандарму, не испугались они и военно-полевого суда. И только один струсил. Он-то и стал провокатором, отправившим на виселицу, под расстрел, на каторгу и в тюрьмы многих большевиков.

Еремеев выругался. И надо же было этому случиться именно теперь, когда он самим Колчаком произведен в подполковники! Он потерял возможность отблагодарить верховного правителя за оказанную милость!

Еремеев ускорил шаги. «Может быть, не все еще потеряно, — пытался он утешить себя, — может, чехи не успели расстрелять Шагова... Тогда завтра я доложу полковнику. Нет, к черту полковника! Бутберг припишет все заслуги себе. Обо всем подробно узнает сам Александр Васильевич Колчак».

Сердце Ёремеева забилося чаще, и он почти побежал домой, чтобы соснуть часок-другой, выпить несколько рюмок настоянной на морошке водки и с новыми силами взяться за дело.

Если бы он знал, что в это время за несколько кварталов от него шла группа арестованных ревкомовцев, окруженная плотным кольцом чешских солдат!

Улицы были пустынные даже в центре, а здесь, ближе к окраине, и патрулей не встречалось. Лишь у ярко освещенного подъезда ресторана «Идеал» было оживленно.

Проходя мимо ресторана, поручик сказал что-то конвоирам, и те зашагали быстрее, подгоняя арестованных прикладами. Но компания пьяных офицеров, вывалившаяся из дверей ресторана, все-таки заметила их.

— А, большевички, товарищи! — пьяно хохоча, заорал усатый штабс-капитан. Он начал расстегивать кобуру, но пальцы ему не повиновались. Тогда, подойдя к арестованным, он попытался ударить идущего с краю Лаврова. Чех-конвоир винтовкой молча отстранил штабс-капитана.

— Чехи! Союзнички! — закричал тот вслед удаляющейся группе. — Ведут расстреливать, а сами не разрешают в морду дать! — он вдруг замолчал и, тупо глядя перед собой, закончил: — Союзнички! Там в тайге, у партизан, этих чехов побольше, чем здесь.

Арестованные и конвоиры быстро приближались к окраине города. Шагов шел позади всех, почти рядом с офицером. Улучив мо-

мент, он замедлил шаги и, поравнявшись с офицером, тихо спросил:

— В чем дело, Влачек?

— Вас окружили колчаковцы. Мы еле-еле успели, — так же тихо ответил офицер. — Большая опасность была.

Некоторое время шли молча.

— Чехи здесь — все наши. А среди вас есть чужой, — снова шепнул офицер.

Шагов резко обернулся, будто его ударили.

— Не может быть! — вырвалось у него.

— Так, — чех наклонил голову, — это точно.

Улица становилась все глуше. Низенькие покосившиеся домики то жались, будто подерживая друг друга, то вдруг расступались, обнажая большой пустырь. Влачек снова поравнялся с Шаговым.

— Сейчас будете уходить по одному.

Шагов наклонился к идущему впереди Лаврову, тот передал дальше. У глухого переулка чехи, не замедляя шага, чуть расступились, и один из конвоируемых быстро нырнул в темноту. То же самое повторилось у следующего переулка, потом у пустыря. Постепенно кольцо солдат сжималось плотнее — конвоируемых становилось все меньше и меньше.

Шагов уходил последним. Нащупав на ходу руку Влачека, он крепко стиснул ее и, сделав несколько шагов в сторону, растворился в темноте. Влачек постоял, прислушиваясь к удаляющимся шагам, закурил и, круто повернувшись, повел солдат в казарму.

Андрей преснулся от ярких солнечных лучей, бивших в глаза. Приподняв голову, он увидел, что комната пуста и циновки, на которых ночью спали хозяева, убраны. Андрей вспомнил вчерашний вечер. Чехи появились неожиданно, удар по голове был таким сильным, что Андрей потерял сознание. Правда, он успел крикнуть, но, видимо, его не услышали. Потом, как в тумане, брел он по улице, подгоняемый прикладами, и не сразу догадался, когда кто-то из ревкомовцев легонько толкнул его, указывая на образовавшуюся между конвоирами широкую щель. И только очутившись в глухом переулке, Андрей понял, что свершилось чудо — он остался жив. Не раздумывая, он побежал, хотя даже не представлял себе, где находится. Лишь бы подальше уйти от этой улицы!

Вдруг он остановился и чуть не вскрикнул от внезапно ожегшей его мысли. Может быть, сейчас, когда он, не помня себя от радости, бежит по улице, умирают его товарищи.

Но что тогда означает его освобождение? Шагая под конвоем, Андрей не заметил, как до него исчезли в переулках трое товарищей. Ему казалось, что ушел он один, что это какая-то счастливая случайность. Счастливая ли? И случайность? А может, чехи отпустили его, думая, что он предатель, что он нарочно не подал сигнала и позволил арестовать ревком? Нет, не может быть! А что думают о нем сейчас Шагов, Ильин, Лавров, Марков? Предатель!

Андрей круто повернулся и побежал назад. Улица, по которой недавно вели его, была пустынной. Но вот он увидел темную, медленно движущуюся массу. Прижимаясь к стенам домов и заборам, Андрей подходил все ближе и ближе. Неожиданно от группы чехов отделилась фигура и исчезла в переулке. Андрей узнал Шагова и сразу все понял. Миновала страшная — страшнее смерти — угроза: обвинение в предательстве!

Нырнув в ближайшие незапертые ворота, Андрей перелез через забор и очутился в переулке, где исчез Шагов. Скоро впереди показалась фигура председателя ревкома. Услышав позади себя топот, Шагов остановился и прижался к забору, будто слился с ним. Но Андрей успел заметить, как правая рука его опустилась в карман.

— Это я, Иван Сергеевич, — захлебываясь, зашептал Андрей, — я, Андрюшка Тихомиров!

Шагов подался вперед и крепко схватил его за плечо.

— Ты? Откуда здесь?

— Я вернулся. Я думал, меня одного отпустили...

Шагов наклонился и пристально посмотрел в глаза Андрею.

— Но ведь нас вели на расстрел.

Андрей опустил голову.

— Все равно... Не мог я уйти, едва слышно сказал он, чувствуя, как на глаза навертываются слезы.

Пальцы Шагова, сжимавшие плечо Андрея, медленно разжались. Андрей поднял го-

лову и увидел очень усталое и очень доброе лицо. Вдруг всломнился отец, у него бывало такое же выражение — очень усталое и очень доброе.

Некоторое время они стояли неподвижно, молча глядя в глаза друг другу, — старый коммунист, прошедший тюрьмы и ссылки, и молодой, только что вступивший в борьбу, впервые увидавший смерть и не испугавшийся ее.

— Хорошо, Андрей, — тихо сказал Шагов не то Андрею, не то самому себе. — Хорошо. Теперь слушай меня внимательно: сейчас пойдешь к Ван Ю-ли и передашь, чтобы он был готов. Понял?

— Понял, Иван Сергеевич. Больше ничего не рассказывать?

— Нет, пока не надо. Иди, — он легонько оттолкнул Андрея.

Ван Ю-ли будто ждал: едва Андрей постучал — дверь открылась и на пороге появился китаец. Узнав Андрея, он удивленно поднял брови.

— Ты, Андрюша? Где гулял так поздно?

— Так, — небрежно пожал тот плечами, — дело одно было.

Ван Ю-ли усмехнулся.

— Серьезное?

Андрей и Ван Ю-ли дружили с детства. И хотя последнее время виделись не часто, дружба не слабела.

— Понимаешь, Ваня, — Андрей положил руку на плечо Ван Ю-ли, — я тебя очень уважаю, но лучше не спрашивай. Только одно могу сказать: Шагов велел тебе быть готовым.

Ван Ю-ли кивнул. Он проводил Андрея в комнату и уложил на свою постель. Три черные головы — братья Ван Ю-ли — одновременно, как по команде, поднялись с циновки, лежащей посреди комнаты, но тут же, заметив строгий взгляд старшего брата, опустились.

Андрей едва лег — сразу будто провалился куда-то...

— Выспался? — неслышно ступая мягкими туфлями, Ван Ю-ли подошел к циновке и заглянул в лицо Андрею. — Вставай, однако. Моя уже кушать приготовила.

— Сейчас встану, Ванюша. Дай полежать минут пять.

— Нет, пожалуйста, вставай скорее, — всегда мягкий и улыбающийся Ван Ю-ли говорил на этот раз твердо, даже, как показалось Андрею, строго.

— А потом что делать будем?

— Гулять мала-мала будем, — ответил, улыбаясь, китаец.

— Гулять? — Андрей быстро поднялся. — Где гулять?

Он вдруг вспомнил слова Шагова о том, чтобы Ван Ю-ли был к чему-то готов. Будто угадав его мысли, Ван Ю-ли тихо сказал:

— Когда ты уснул, Шагов приходил. Велел тебе и мне гулять. Погода очень хорошая.

— Куда пойдем?

— Знаешь, Андрюша, я тебя очень уважаю, — Ван Ю-ли прижал руки к груди и чуть наклонил голову, чтобы скрыть веселые искорки в глазах, — я тебя очень уважаю, но лучше пока не спрашивай.

Андрей ничего не ответил.

...Тайга начиналась сразу за городом. Яркое солнце, будто желая искупить вину за вчерашнюю непогоду, сильно пригревало. Неудержимо манила молодая умытая трава. Андрей даже головой тряхнул, чтобы отогнать желание растянуться в тени. Он посмотрел на своего спутника. Ван Ю-ли легко шел впереди, и Андрей знал, что так он может идти час, два, десять, если надо — сутки; все так же быстро, легко переставляя крепкие ноги, обутые в самодельные туфли.

Бурундучок перебежал тропинку и вскарабкался на толстую сосну, подозрительно поглядывая оттуда черными бисеринками глаз на пришельцев. Тропинка становилась все уже. Солнце теперь почти совсем не пробивалось сквозь густые, тесно сплетенные кроны деревьев. Умолкли птицы, и только стук дятла гулко раздавался в тишине. Ван Ю-ли остановился, подождал отставшего Андрея и тихо сказал:

— Тут нет чужих ушей и чужих глаз. Шагов велел тебе сказать — идем передавать важное поручение партизанскому отряду «Интернационал». — Ван Ю-ли похлопал себя по груди. — У меня есть письмо. На всякий случай твоя пусть знает.

— Так чего же мы стоим? — заволновался Андрей. — Надо скорее идти!

— Скоро идти — скоро устанешь. Мы идем далеко. Долго будем идти.

Он круто свернул с тропы и пошел напрямик, по каким-то ему одному известным приметам выбирая направление. Иногда он останавливался, к чему-то присматриваясь, при-

слушиваясь. Но как ни внимателен был Ван Ю-ли — не видел он двух странных людей, следивших за ними из-за деревьев.

4

Полученное известие настолько ошеломило Еремеева, что он долгое время не мог прийти в себя. Наконец, он попытался сосредоточиться и принялся восстанавливать в памяти недавние события.

Придя накануне домой с твердым намерением заняться активными поисками арестованных ревкомовцев, он попытался наметить план. Но ничего придумать не удавалось. Злоба, ненависть, досада, алчность — все сплелось у Еремеева в один клубок и мешало сосредоточиться. Он тер виски, дергал себя за усы, курил одну папиросу за другой — ничто не помогало. Тогда, подойдя к буфету, он налил большой стакан водки и жадно, залпом выпил его. Мысли вдруг стали путаться, и Еремееву то казалось, будто все потеряно и карьера его кончена, то представлялось, что стоит отдать приказание, и арестованные ревкомовцы предстанут перед ним. Не раздеваясь, он тяжело повалился на постель. Сон налетел сразу, и во сне он услышал знакомый условный стук. Так стучал только один человек, верный слуга Еремеева, арестованный и расстрелянный вместе с ревкомовцами. Стук повторился. Еще и еще. Не открывая глаз, Еремеев приподнялся на локте. В окно снова постучали. Будто подброшенный огромной пружиной, Еремеев вскочил с постели, подбежал

к окну. Знакомая тень метнулась в сторону двери.

Через несколько минут Еремеев знал историю «ареста» и «побега» ревкомовцев. Не слушая дальше, он сжал кулаки, изрыгая проклятия и грозя всем на свете. Но пришедший схватил его за руку, притянул к себе и, хотя — он знал — во всем доме никого не было, а толстые стены не пропускали ни звука, зашептал в самое лицо.

Еремеев перестал сопеть, глаза его округлились. Он молча слушал свистящий шепот своего агента и с трудом верил услышанному, хотя знал, что агент не может врать — человек он проверенный.

А потом Еремеевым овладела бешеная радость. Наконец-то судьба посылает ему случай, которого он ждал очень долго, может быть, всю жизнь. Прежние удачи показались ему такими маленькими, незначительными, что стало даже обидно. Нет, только теперь он сможет по-настоящему отличиться. Об этом заговорит вся армия! Будущие летописцы посвятят ему, Еремееву, немало страниц в кни-

гах о великом освобождении России армией Колчака!

И вдруг тяжелая мысль будто прихлопнула и разом погасила бушующую радость. Ведь он должен немедленно сообщить обо всем полковнику Бутбергу. А тот, конечно, все заслуги припишет себе. Еремееву же как простому исполнителю «гениального бутбергского плана» достанется лишь благодарность или, в лучшем случае, незначительное денежное вознаграждение. Нет, на это Еремеев не пойдет!

Но как обойти Бутберга?.. И он решился. Правда, риск был большой — если верховный правитель окажется не в духе, неприятностей не избежать. Зато если повезет... Еремеев даже зажмурился от нахлынувших радостных предчувствий.

Торопясь к роскошному дворцу, где помещалась штаб-квартира Колчака, он лихорадочно обдумывал, как доложить обо всем верховному правителю и как оправдать, что явился сам, не доложив предварительно Бутбергу.

Но торопился Еремеев зря. Колчак никого не принимал: он проводил секретное совещание с представителями Англии, Франции и Североамериканских штатов. В качестве наблюдателя на этом совещании присутствовал доверенный японского императора. Напрасно уверял Еремеев холодного вежливого адъютанта, что дело крайне важное и не терпит отлагательств.

— Я думаю, — сказал адъютант обессилевшему от волнения Еремееву, — что любое дело, даже очень важное и срочное, подождет до утра. Тем более, — закончил он быстро, за-

метив, что тот опять пытается возразить, — тем более, что другого выхода нет.

На секунду у Еремеева шевельнулось сомнение: не поздно ли будет завтра, не надо ли сейчас же доложить обо всем Бутбергу. Но тут же он остановил себя:

— Завтра! Никуда они не денутся. Завтра! — и, довольный, быстро зашагал в контрразведку.

5

Ван Ю-ли не сказал Андрею, что часа три назад этой же дорогой прошел его отец: и его Шагов послал к партизанам. Не сказал Ван Ю-ли потому, что со свойственной ему добросовестностью выполнял наказ предрекома: «Пусть об этом никто не знает». И другой наказ Шагова помнил он и готов был выполнить: «Если что-нибудь случится — умрите достойно».

Вот почему, когда сзади раздался треск сучьев и грубый окрик заставил их остановиться, Ван Ю-ли так выразительно посмотрел на Андрея. Он пожалел, что не передал этих слов своему другу. Но на побледневшем лице Андрея Ван Ю-ли прочел: «За меня не волнуйся, не подведу». Тогда он спокойно уставился на двух людей в гимнастерках, галифе и солдатских ботинках. Один из них — заросший рыжей щетиной, с железными очками на толстом носу — направил винтовку в грудь Ван Ю-ли и внимательно оглядел обоих друзей.

— Оружие? — спросил он.

— Нету, — развел руками Ван Ю-ли.

— Ты? — рыжий ткнул винтовкой в сторону Андрея.

— Нет, — сквозь зубы ответил Андрей. Он был по-прежнему бледен и с ненавистью смотрел на врага.

Обыскивать их рыжий не стал. Повернувшись к товарищу, он что-то быстро проговорил. Тот молча кивнул и исчез в кустах.

— Можно сесть, — рыжий указал на землю и сам присел, прислонившись спиной к дереву. Винтовку он не выпустил из рук и, когда Андрей замешкался, выразительно похлопал по прикладу.

Ван Ю-ли лег на траву и посмотрел вверх. Сквозь густые ветви неба почти не было видно, но он все-таки понял, что солнце уже начало клониться к западу. «Через два часа мы были бы на месте, — подумал он, украдкой наблюдая за караульным. — Если мы сейчас оба вскочим и побежим в разные стороны — мы удерем. Этот рыжий нас не догонит. Но я найду дорогу, а Андрей? Заблудится и пропадет. Нет, если уж пропадать — то вместе...» Вдруг страшная мысль ожгла Ван Ю-ли. Он понял, что отец его не дошел до партизан, а был схвачен. Чехи устроили засаду! Наверное, это каратели, посланные на уничтожение партизан. Ван Ю-ли вскочил на ноги. Но часовой который, казалось, дремал, привалившись к дереву, тоже вскочил с удивительной для его грузной фигуры легкостью.

— Я буду стрелять сразу, — спокойно сказал он, наводя на Ван Ю-ли винтовку. — Я хорошо стреляю.

— Стреляй! — Андрей, как кошка, отор-

вался от земли и прыгнул к рыжему. — Беги, Ваня!

При всей своей проворности Ван Ю-ли не успел двинуться с места: рыжий сделал шаг навстречу Андрею, коротко взмахнул рукой, и Андрей кубарем покатился по траве.

С шумом раздвинулись кусты, и перед Ван Ю-ли появился коренастый человек в туго перехваченном ремнями френче.

— Кто такие? — быстро спросил он. — Зачем здесь?

— Гуляли, заблудились, — стараясь быть почтительным, ответил Ван Ю-ли.

— Имя?

— Ван Ю-ли.

Человек в френче обернулся и поманил кого-то рукой. Из кустов вышел отец Ван Ю-ли.

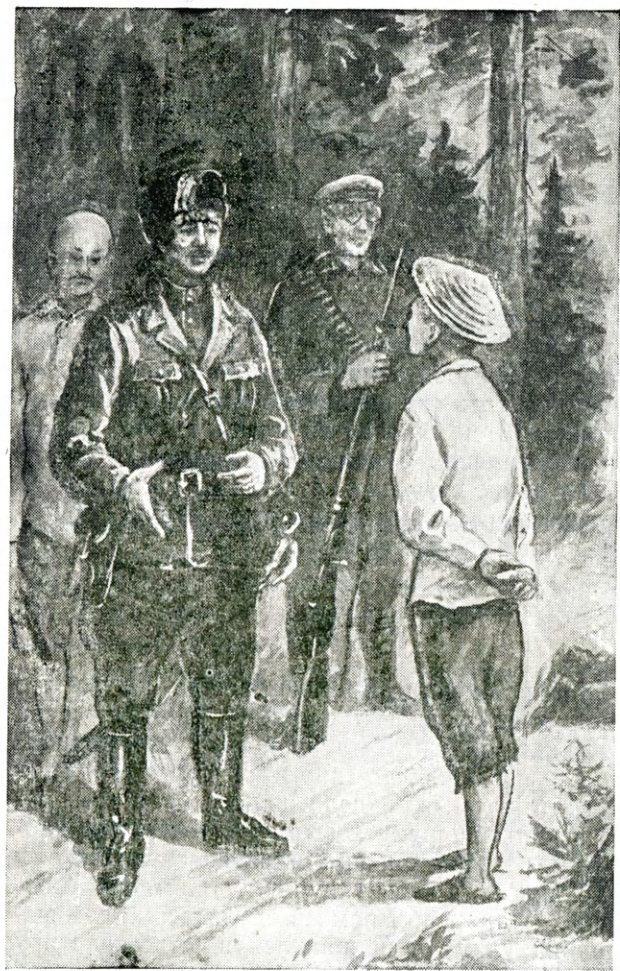
— Твой?

Старый китаец, улыбаясь, быстро закивал головой. Ван Ю-ли снова взглянул на человека в френче и вдруг увидел удивительно ясные голубые глаза.

— Я Мате, — человек протянул Ван Ю-ли руку, — командир партизанского интернационального отряда. — И, поймав удивленный взгляд Ван Ю-ли, пояснил: — Уже два часа в походе. Так что мы оказались ближе, чем ты рассчитывал. — Потом посмотрел на все еще лежащего Андрея. — Спит? — Мате удивленно поднял брови.

Рыжий человек что-то сказал не по-русски, и Мате наклонился над Андреем.

— Тебя сильно ударил Бокмюллер? — участливо спросил он.

— Сильно, — кивнул головой Андрей, вставая. — За сутки меня уже второй раз бьют. И главное — все свои.

— Все свои, — засмеялся Мате так заразительно, что все вокруг тоже засмеялись. Улыбнулся и Андрей. И, хотя сильно болела челюсть, ему было так радостно, так весело, что он готов был броситься на шею рыжему австрийцу.

— Надо спешить, — посерьезнев, сказал Мате. — Идем!

Партизаны, растянувшись цепочкой, быстро шли по тайге. Впереди и по бокам двигалось боевое охранение. Андрей упросил Мате пустить его вперед вместе с рыжим Бокмюллером, и Ван Ю-ли слышал, что, уходя, они оживленно о чем-то беседовали. До Ван Ю-ли донеслись лишь отдельные слова, среди которых он уловил незнакомое «бокс», произнесенное Бокмюллером.

6

Подполковник Еремеев решил ни за что «не упускать своего счастья». Поэтому едва рассвело, он уже был на ногах. Побрившись, тщательно почистив сапоги, он долго стоял перед зеркалом, то и дело подкручивая усы, лихо вскидывая руку к фуражке и щелкая каблуками. Потом он опустился на стул. Но ему не сиделось, а часы тянулись удивительно медленно. Наконец, Еремеев не выдержал — вышел на улицу и направился в штаб-квартиру «верховного правителя».

Был седьмой час утра, и прохожих попадалось немного. Однако чем ближе к штабу, тем становилось оживленнее: начали встречаться офицеры, открывались ставни магазинов и лавок, проезжали экипажи. Еремеев небрежно отвечал на приветствия офицеров. Ничего, что пока на его плечах подполковничьи погоны — не сегодня-завтра у него будут генеральские эполеты: Александр Васильевич Колчак умеет ценить преданных и расторопных людей!

В штабе Еремеев долго слонялся по коридорам, заглядывал в комнаты писарей и потом лишь решился войти в приемную. Знакомый уже адъютант вежливо кивнул и указал на кресло.

— Александр Васильевич скоро будет, — сообщил он.

И опять потекли тягучие минуты ожидания. Наконец, на улице послышалось фыркание мотора. Поднялась суматоха. Пронесся слух, что Колчак приехал злой, и штабники попрятались в комнатах.

Колчак прошел к себе в кабинет особым ходом, и штаб замер в ожидании очередной бури. Адъютант, на миг скрывшись в кабинете, вновь появился перед Еремеевым, жестом пригласив его за собой.

Колчак смотрел на Еремеева своими круглыми прозрачными глазами: казалось, они замораживали все вокруг — таким холодом веяло от них. Адмирал сидел в кресле ссутулившись, и его маленькая голова с огромным носом глубоко ушла в широкие ватные плечи. Во

время доклада он ничем не выдал своего волнения, продолжая смотреть так же спокойно, почти тупо перед собой. Лишь когда Еремеев кончил, он издал какой-то странный звук — не то хрип, не то шипение. Еремеев с трудом понял, что адмирал произнес:

— Бутберга.

Полковник Бутберг явился очень скоро — видимо, он был в штабе. Как всегда тщательно выбритый и отутюженный, он вошел в кабинет уверенной походкой человека, знающего, что его здесь любят, уважают и очень считаются с ним. Только увидав Еремеева, он на секунду смешался. Но барон умел владеть собой, и промелькнувшие в глазах удивление и растерянность снова сменились уверенным выражением.

Колчак молча смотрел на Бутберга. Он смотрел долго; его красные, почти без ресниц веки лишь изредка прикрывали глаза, будто для того, чтобы он мог с новой силой впиться ими в свою жертву. И под этим взглядом полковник фон-Бутберг сникал все больше и больше. Наконец Колчак взорвался. Голос его то достигал таких высоких нот, что, казалось, вот-вот сорвется, то опускался до басовитого хрипа. Потом Колчак перешел на шепот, который казался зловещим.

Замолчав и не обращая больше внимания на Бутберга, Колчак повернулся к Еремееву.

— Идите! Вам я поручаю великую миссию спасти золото нашей многострадальной Руси. Да поможет вам бог! — торжественно сказал он. — Вы уходите подполковником — вернетесь генералом.

— Итак, завтра, — Шагов усмехнулся и, взглянув на часы, поправился, — вернее сегодня. Сейчас четыре часа пятнадцать минут. Все ясно, товарищи?

Вчерашнее так неожиданно прерванное заседание ревкома возобновилось следующей ночью. Шагов считал, что действовать надо немедленно, и ревкомовцы с ним согласились. Всех волновал один вопрос: успеют ли партизаны подойти к городу.

С минуты на минуту они должны узнать об этом. Однако время шло, а сообщения все не было. Чтобы отвлечь товарищей от тревожных мыслей, Шагов еще раз повторил план захвата поезда.

— Мне кажется, — закончил он, — мы предусмотрели все возможное.

— Кроме тысячи неожиданностей, — вставил кто-то.

— Вот именно. Да, придется действовать по обстоятельствам, — ответил Шагов и взглянул на назначенного ревкомом начальника поезда с золотым запасом страны. Каждый раз, когда Шагов смотрел на Ильина, он невольно любовался им. Небольшой, ладно сложенный, будто выточенный из какого-то сверхпрочного и гибкого металла, несмотря на молодость, революционер с большим партийным стажем, Ильин всегда вызывал у Шагова чувство какой-то безотчетной щемящей нежности. Может быть, потому, что напоминал недавно погибшего сына. Тот тоже был порыв-

вистый и голубоглазый, также курчавилась у него русая борода...

Шагов обвел глазами ревкомовцев и увидел, вернее почувствовал, что напряжение достигло предела. Особенно нервничал Марков. Шагов знал о его большом опыте подпольной работы, уважал за резкость и прямоту, с которой тот высказывал свои мнения, хотя часто они были ошибочными и шли вразрез с мнением большинства. Споря, убеждая, Марков часто повышал голос, стучал кулаками. Но это прощали, зная, что нервы его напряжены: совсем недавно в городе был почти целиком арестован ревком, уцелели только Марков и несколько товарищей, случайно не присутствовавших на заседании. Вновь избранные ревкомовцы, так же как и Шагов, внимательно прислушивались к советам Маркова, человека более опытного, чем они.

Поэтому, когда тот, не выдержав напряженного ожидания, заговорил, все настороженно подняли головы.

— Ты забываешь о специфике, Шагов. Это тайга, а не Швейцария. Тайга! — Марков на секунду замолчал. — Я знаю, что это такое. Даже если наши посланцы благополучно прибыли на место — неизвестно, сколько понадобится времени, чтобы партизаны собрались и пришли к нам. Расчет на их точность — твоя ошибка, Шагов. Второе — я не доверяю посланным людям. Товарищ Андрей — слишком молодой и неопытный подпольщик, и к тому же он скомпрометировал себя вчера, не сумев вовремя подать сигнала. А китайца я просто не знаю. Да и товарищи его не знают. Как же

можно доверять ему? Это твоя вторая ошибка. Ты человек еще неопытный, Шагов. И вместо того, чтобы по-настоящему, по-партийному признать свои ошибки, упорствуешь, ставишь под удар выполнение ответственного задания. Я предлагаю, товарищи, отложить операцию по захвату поезда.

— Товарищ Марков, сейчас не время и не место разводить дискуссию. У нас есть решение ревкома, и менять его никто не собирается. — Все повернулись к молчавшему весь вечер Ильину. — И, кроме того, — продолжал он, — это возможно осуществить только сегодня утром. Так ведь, Влачек?

— Только так, — поднялся Влачек. — От имени подпольной коммунистической организации чехословацкого корпуса сообщая: нами будет сделано все, чтобы помочь партизанам захватить поезд.

Когда раздался условный стук, ревкомовцы невольно вздрогнули. Шагов быстро откинул щеколду.

— Дымит! На Лысой горе дымит! — почти крикнул вбежавший в комнату молодой рабочий.

Это был условный сигнал. Подойдя к городу, партизаны должны были разжечь на Лысой горе — безлесной сопке, возвышающейся у самого города — костер. Лица ревкомовцев просветлели; Марков, подойдя к Шагову, протянул руку.

— Извини, Иван, погорячился я. Нервы. Ты оказался прав.

Шагов кивнул и пожал Маркову руку. Потом подошел к окну, поднял штору, распах-

нул раму. В комнату вместе с утренним холодком ворвались птичьи голоса и слегка дурманящий запах цветов. Всем невольно захотелось вздохнуть полной грудью и сильно, с хрустом потянуться.

— Итак, за дело, товарищи. Каждый знает свою задачу? — Ты, Лавров?

— Ясно.

— Ильин?

— Готов.

— Марков?

— Да.

— Пора, товарищи!

Один за другим ревкомовцы начали расходиться. Влачек уходил последним. У двери он задержался.

— Иван Сергеевич...

— Что, Ян?

Влачек молчал, низко наклонив голову.

— Ну, Ян? — Шагов положил руку ему на плечо.

Чех поднял голову. В его глазах стояли слезы.

— Что ты, друг?

— Не могу я больше, товарищ Шагов! Не могу! Пустите меня в тайгу. Я хочу открыто, как другие, драться за Советы.

— Ты дерешься, Ян. Ты крепко дерешься.

— Не могу я больше расстреливать и убивать!

— Знаю, — сказал Шагов. — Но ты нужен здесь. Очень нужен.

— Но почему, почему мои товарищи с оружием в руках борются за Советы, а я здесь,

среди палачей, должен нести проклятье в^{аш}его народа?

— Ты коммунист, Ян, и незачем задавать такие вопросы. Ты должен быть тут. Иди. Уже время.

Шагов порывисто притянул к себе чеха и отвернулся, чтобы скрыть волнение.

— Как только выполним задание — все уйдем в тайгу.

Влачек вышел. Шагов подождал немного. Закуривая на крыльце, он осторожно огляделся и быстро пошел по улице.

В это время другой человек почти бежал к дому подполковника Еремеева. Он торопился — он должен был предупредить Еремеева и вернуться туда, где через час произойдет захват поезда. И он был одним из участников этой операции.

8

Бойцы интернационального партизанского отряда рано утром подошли к городу и подали условный знак. Выждав определенное время, они незаметно подтянулись к станции и залегли цепью вдоль железнодорожного полотна, спрятавшись в густой высокой траве.

Андрей лежал рядом с Бокмюллером и думал о своих новых товарищах. До сих пор он сталкивался в подполье только с соотечественниками. Эти люди боролись за свободу своей Родины, за счастье своего народа. Правда, Андрей знал, что в России на стороне красных сражается много иностранцев — быв-

ших военнопленных австрийцев, венгров, хорватов, болгар, сербов. Но видеть их ему не доводилось. А вот вчера он встретился с чехами — людьми, которых считал одними из самых яростных и опасных врагов Советской власти, а значит — и своими врагами. Ведь они, подняв мятеж, уничтожили Советскую власть во многих городах, расстреляли и замучили тысячи коммунистов. И не знал тогда Андрей, что почти треть мятежного чехословацкого корпуса — свыше двенадцати тысяч солдат и офицеров — не только отказались выступить против Советов, но и перешли на сторону большевиков, героически сражаются сейчас в Красной Армии и партизанских отрядах.

По дороге в город Андрей разговорился с Бокмюллером. Австриец рассказал ему о своей родине, о двух маленьких сыновьях, которых не видел более трех лет.

— Я очень соскучился, — медленно говорил Бокмюллер, с трудом подбирая русские слова, — но я не поеду домой, пока не помогу тебе, Андрей, сделать здесь победу. Тогда я поеду домой и буду стараться там делать то же. Я здесь много узнал, о, очень много понял! Хорошо понял. И не я один. Нас очень много.

Он оглянулся на идущих сзади партизан. Но Андрею показалось, что Бокмюллер смотрит не на них, а куда-то вдаль. Может быть, предчувствовал он, что этот небольшой отряд скоро вырастет в полк, а затем в грозную и могучую силу — интернациональную бригаду. Может быть, вспоминал он сейчас своих

товарищей, сражающихся под красным знаменем в разных концах огромной России.

— Нас много, Андрей, очень много. И мы с вами, — произнес он после долгого молчания.

Сейчас Андрею хотелось осмыслить все это, но Бокмюллер, тихонько дотронувшись до его плеча, прошептал в самое ухо:

— Вон, смотри, стоит наш поезд.

Сквозь густую траву Андрей увидал на запасных путях паровоз и несколько вагонов. Там было золото — золотой запас молодой Советской республики. Вокруг поезда прохаживались часовые, вспыхивали в солнечных лучах тонкие серебряные ниточки штыков.

Со стороны станции к поезду подошел офицер с группой солдат. Быстро поднявшись по ступенькам, офицер исчез в одном из вагонов.

Вежливо, но настойчиво он постучал в купе начальника поезда. Ответа не было. Офицер постучал еще раз и открыл дверь. Толстый майор, чех, подмяв под себя грязную подушку, громко храпел, укрывшись с головой шинелью. Офицер почтительно дотронулся до плеча спящего, но тот продолжал храпеть. Офицер посмотрел на пустую бутылку из-под коньяка, стоящую у изголовья, и сильно толкнул майора.

— А? Кто там? — Майор поднял голову и уставился на офицера. — В чем дело? — спросил он, протирая слипающиеся глаза.

— Поручик Ян Влачек прибыл со срочным и весьма важным пакетом для господина майора, — вытянулся пришедший офицер. Майор

промычал что-то и вскрыл конверт. Ему страшно хотелось спать, трещала голова, во рту был противный привкус, а тут еще...

— Какого дьявола! — майор сунул в руку Влачека письмо. — Передача золота назначена на 9 утра!

— Русскому командованию, должно быть, не терпится поскорей получить свое золото, — почтительно усмехнулся Влачек.

— Верховный правитель Руси страдает, видимо, бессонницей, — пробурчал майор. — Он что, сам приедет принимать?

— Очень возможно, господин майор.

Тот на секунду задумался.

— Вы, поручик, знаете место, куда надо подогнать состав?

— Так точно. Это...

— Э, — майор махнул рукой, — укажите моему помощнику. Я из-за русского золота не желаю иметь головную боль. Даже если за этим золотом приедет сам господин Колчак, — и он опрокинулся на подушку.

Влачек вышел из купе. У него будто камень свалился с плеч. Он не ожидал, что майор так небрежно отнесется к приказу, и, хотя «приказ» был почти «подлинный» — отпечатанный на выкраденном бланке, — Влачек волновался.

Разговор с помощником начальника поезда не беспокоил его. Действительно, помощник — молодой красивый офицер — молча выслушал Влачека, выругался сквозь зубы и ушел отдавать распоряжение. Вскоре состав стал медленно выходить из тупика. Влачек поднялся на паровоз; несколько часовых вско-

чили на подножки вагонов, остальные не спеша пошли следом.

Поезд подходил все ближе и ближе к тому месту, где лежали партизаны. Остановился он прямо против них. Влачек соскочил с паровоза и исчез в штабном вагоне. Через несколько минут он появился на площадке в сопровождении чешского майора. Майор потянулся, потом взглянул на часы и, повернувшись к поручику, удивленно поднял брови. Тот также посмотрел на часы, пожал плечами, и вдруг Андрей услышал приглушенный выстрел. Майор мешком свалился на землю.

Выстрел был сигналом: партизаны бросились к поезду и обезоружили часовых, рабочие-железнодорожники во главе с Ильиным ворвались в вагоны. Андрей вскочил на паровоз и навел наган на поднявших руки машиниста и кочегара.

Все произошло быстро и, как показалось Андрею, обидно легко. Совсем иначе он это себе представлял. Обезоруженные чехи испуганно стояли у насыпи, не спуская глаз с наведенного на них пулемета, партизаны и рабочие размещались по вагонам. Солдаты, что появились позже, и офицер, застреливший майора, ушли, как только охрана поезда была обезоружена.

Одним рывком в будку поднялся Лавров.

— Все в порядке, Андрюшка! — подмигнул он. — Все идет, как надо. А ну-ка, бери лопату, будем поднимать пары. И вы тоже! — приказал он машинисту и кочегару. — Живо! Чего стоите? Бросайте уголь в топку, а потом убирайтесь.

Со стороны станции показалась большая группа людей. Ильин подбежал к паровозу.

— Вперед!

Поезд рванулся с места. Вскочив на подножку последнего вагона, Ильин попытался разглядеть, что это за люди, но поезд удалялся быстро, и он не мог понять: показалось ему или действительно на плечах у того, кто бежал впереди, блеснули золотые погоны.

9

Когда Еремеев с солдатами и жандармами подбежал к станции, последний вагон уже скрылся за поворотом. В бессильной ярости неудавшийся генерал готов был бежать вслед за поездом. Солдаты и жандармы растерянно переминались с ноги на ногу и оглядывались вокруг. Ни одного человека не было видно поблизости. Только чешский майор, раскинув руки, лежал у самого полотна.

— Разбежались! Спрятались, мерзавцы! — заревел Еремеев, багровея от бешенства. — Всех перевешаю!

— Господин подполковник, погоню надо, — робко приблизился молодой прапорщик из охраны станции. Еремеев рванулся к нему.

— Погоню?! Да! А ты... тебя под суд! Расстрелять! Да что ты стоишь, черт возьми! — иступленно затряс он прапорщика. — Немедленно погоню!

Но не успели они сделать и двух шагов, как где-то далеко раздался глухой взрыв.

— Что это?

— Кажется... полотно взорвано, — прапорщик побледнел.

— Полотно взорвано! — Еремеев схватился за голову.

— Телеграф, господин подполковник.

Еремеев побежал к зданию станции, тяжело топая сапогами, спотыкаясь о рельсы.

Телеграфист на секунду повернул голову в сторону ворвавшегося подполковника и снова настойчиво принялся вызывать соседнюю станцию.

— Срочно! Немедленно передай по линии...

Телеграфист устало посмотрел на подполковника.

— Связь прервана.

— Врешь, мерзавец! — тяжелый кулак сшиб телеграфиста на пол. — Ну! — Еремеев выхватил револьвер.

Телеграфист встал, хромая подошел к аппарату, но аппарат молчал.

Он молчал потому, что в тот самый момент, когда поезд с золотым запасом отошел от станции, Ван Ю-ли перерезал телеграфный провод.

На рассвете, когда часть интернационального партизанского отряда подтянулась к станции, другая вышла к полотну железной дороги далеко за городом. Эта группа должна была взорвать полотно сейчас же после прохода эшелона. Третьей группе, в которой был и Ван Ю-ли, поручалось нарушить телеграфную связь.

Партизаны не только перерезали провода — они валили столбы, и, когда раздался

взрыв — связь была нарушена уже на большом участке.

— Чем больше столбов свалим, тем труднее будет исправить телеграф, — говорил Ван Ю-ли своему напарнику, долговязому веснушчатому парню. — Значит, и телеграмму смогут послать не скоро.

Долговязый молча соглашался и, смахивая пот, с новой энергией принимался пилить. Ван Ю-ли работал, думая о том, как доложит Шагову о выполненном задании, как тот пожмет ему руку и скажет:

— Спасибо, товарищ Ван Ю-ли!

«Товарищ, — улыбнулся Ван Ю-ли, — тунжик Ваня, говорит всегда Андрей».

Но доложить о выполненном задании Ван Ю-ли не пришлось.

10

Шагова арестовали на улице. Два дюжих казака быстро закрутили ему руки назад и по приказу маленького человека в пенсне впили в пролетку.

Двух членов ревкома арестовали дома, остальные успели скрыться.

В одиночке, куда поместили Шагова, сидеть пришлось недолго. Через полчаса его увезли в закрытой карете, и вскоре он очутился перед седоусым генералом, который с хитрецей и даже как будто добродушно разглядывал Шагова. Седые нависшие на глаза брови генерала все время шевелились, и Шагова это забавляло, хотя он мучительно думал, куда его привезли. Он знал в лицо всех более или менее

крупных чинов колчаковского штаба, но генерала видел впервые.

— Ловко! — вдруг сказал генерал.

Хриплый голос человека, привыкшего командовать, раскатисто прозвучал в комнате и заставил Шагова вздрогнуть.

— Ловко! — повторил генерал, будто чему-то радуясь. — Я сам боевой генерал, не штабист, нет!.. И не сомневайтесь, я умею ценить ловкость и храбрость. С поездом вы работали чисто! — он, прищурившись, уставился на арестованного.

Шагов безразлично пожал плечами. Генерал перегнулся через стол, заглядывая Шагову в лицо.

— Я надеюсь, вы не будете отрицать, что организовали похищение золота... Да! — будто вспомнил что-то генерал: — Мы не познакомились. Я начальник контрразведки Петров. Назначен вместо барона. — Он презрительно фыркнул. — Я всегда говорил Александру Васильевичу, что он зря нянчится с этими интеллигентами. Не правда ли, господин Шагов? Если бы они арестовали вас раньше, не было бы никаких неприятностей...

Он продолжал еще что-то говорить, но Шагов уже не слушал. Фамилия генерала была ему хорошо знакома. Да и не только ему. Это был, пожалуй, самый жестокий генерал во всей армии Колчака. И прославился он не на фронте, а зверскими расправами с захваченными большевиками и подавлением крестьянских восстаний. «Так вот кого Колчак назначил теперь в контрразведку, — поду-

мал Шагов. — Видно, не очень-то ему вёсело».

Заметив, что Шагов не слушает, генерал повысил голос.

— Я с вами откровенен, господин Шагов. Будьте и вы откровенны хоть в том, что организовали похищение золота. Я это знаю и без вас, но все-таки приятнее, знаете ли, когда люди доверяют друг другу. — Генерал помолчал и продолжал тем же громким бодрым голосом. — Чтобы доказать вам свое расположение, буду откровенен до конца. Александр Васильевич поручил мне заниматься только этим золотом. Только! И сроку дал один день. Вы, конечно, догадываетесь, что я должен выполнить приказ. Я понимаю — золото сейчас в пути и вы сами не знаете, где оно в данный момент. Но вы знаете, где оно будет спрятано. Это нам и нужно от вас. Ну, хотя бы примерно район.

— Я могу сказать точно — золото будет в Москве, — спокойно ответил Шагов.

— Ага! — как будто даже обрадовался генерал. — Другого ответа я не ждал. Больше вы ничего не добавите?

Шагов промолчал.

— Тогда придется попробовать, — как бы раздумывая, произнес генерал. — Иногда и закаленные люди начинают разговаривать.

Шагова увели в другую комнату. Сначала его не били. Жгли раскаленным железом, запускali под ногти иголки. Потом палачи стали избивать его.

Поздно вечером Шагова привели в одиночку. Он попытался припомнить все, что было, и

не мог: голова кружилась, перед глазами стоял красный туман. Он попробовал пошевелить руками. Одна не двигалась, висела, как плеть. Другой он ощупал лицо. Оно было похоже на огромную кровоточащую опухоль. «Я, кажется, ничего не сказал им», — подумал Шагов и вдруг насторожился: он уловил характерное постукивание по стене. «Провокация?» — пронеслось в голове. Но тут же он понял, что врагу незачем прибегать к провокации — не будут же ревкомовцы передавать друг другу сведения о поезде. С трудом добравшись до стены, он схватил валявшуюся на полу ржавую кружку и застучал в ответ. Через минуту с другой стороны раздалось: 1.1, 4. 1, 2. 1, 4. 2, 4. 3, 3. 4... Арестованы двое ревкомовцев, — читал Шагов условный стук — азбуку, изобретенную еще в 1826 году в Петропавловской крепости Бестужевым и ставшую впоследствии средством общения политических заключенных.

— Арестованы двое ревкомовцев, — разбитыми губами шептал Шагов, прижимаясь к стене, — Левин и Захаров. Из чехов — Влачек и двое солдат. Держатся хорошо. Да здравствует революция!

Шагов сжал челюсти. Он представил себе веселого жизнерадостного Яшу Левина и степенного Захарова, известного товарищам своей

честностью и добротой. Сейчас они также лежат на цементном полу камеры и ждут смерти. А где-то в других камерах ждут смерти чешские коммунисты. И вряд ли кто-нибудь думает сейчас о бессмертии. А оно пришло. Вот оно! И собрав остаток сил, Шагов застучал:

— Да здравствует революция!

Поздно ночью их вывели во двор тюрьмы. Поддерживая друг друга, измученные люди — русские и чешские коммунисты — старались стоять твердо и прямо. Они не боялись смерти. Они выполнили свой долг. Поезд с золотым запасом Советской республики был вырван из рук врага. Сейчас каждая минута приближала его к цели — они знали это, и разбитые губы складывались в гордые улыбки.

11

Поезд набирал скорость. На площадках застыла охрана — бойцы интернационального отряда и рабочие-железнодорожники, участвовавшие в захвате поезда. А в купе командирского вагона над картой склонились трое — командир поезда Ильин, его помощник Марков и начальник охраны поезда Мате. Извилистая линия — путь, который должен преодолеть поезд, — протянулась через всю карту.

— Сейчас мы находимся примерно здесь. — Ильин провел небольшую линию — пройденный за день путь. — А еще...

— Ну что ж! Все идет удачно, — довольно потер руки Марков.

— Если не считать, что кто-то предупре-

дил колчаковцев и операция чуть не сорвалась.

— Ну, это все позади, а в запасе у нас еще несколько часов спокойного пути.

— Несколько часов! — Ильин задумчиво забарабанил пальцами по столу. — А нам, может быть, понадобится несколько суток... Связь наладится, починят дорогу. Это быстро. А здесь, — он положил руку на карту, — сотни километров. Надо быть готовыми ко всему. Поэтому я предлагаю обсудить, какие возможны сейчас меры безопасности, и не медля принять эти меры.

— Зря ты нервничаешь, Сергей, — поморщился Марков. — Все пока в порядке, а грядущих опасностей не угадаешь. Так что держись спокойнее сам и не дергай понапрасну других.

Ильин вспомнил напутственные слова Шагова:

— С Марковым тебе частенько придется спорить. Но это неплохо: как говорили древние римляне, в спорах рождается истина. Не соглашайся, не отступай, когда чувствуешь, что прав, однако к словам его прислушивайся внимательно.

Шагов не договорил, но Ильин понял, что, сознавая огромное значение этой операции, ревком не может, не имеет права полагаться только на одного человека, пусть даже самого проверенного и преданного. Посылая вместе с Ильиным опытных подпольщиков Маркова и Лаврова, назначив начальником охраны поезда Мате, ревком создавал тем самым своеобразный военный совет.

— Выходит, Пётр Иванович, сиди сложа руки — куда кривая ни вывезет, — сказал Ильин, но продолжить не успел: с шумом распахнулась дверь, и в купе протиснулся Лавров.

— Ты зачем здесь? — удивился Ильин. — А паровоз?

— На паровозе Андрей остался. И помощника я ему хорошего подобрал, однако. Серб, тоже был машинистом до войны. Но сейчас не об этом речь. Слушайте, с нашим паровозом мы долго не протянем.

Все вопросительно посмотрели на него.

— Паровоз плохой, вот и все! — Лавров устало опустил на скамью.

— Да ты говори яснее! — не выдержал Мате.

— Тут уж яснее ясного — может, сейчас, может, через час паровоз рассыплется на ходу. Лавров продолжал пространно описывать, как плох паровоз. Но никто уже не слушал и не обращал внимания на его необычную многословность. Каждый мучительно думал, что предпринять.

— Как же так — чехи... — начал Мате.

— Да это не трудно объяснить, — перебил Ильин. — Чехи захватили золото для себя, разумеется. Тогда и паровоз был отличный, и охрана на высоте. А как только выяснилось, что золото придется отдать Колчаку, у них пропал всякий интерес. Отсюда все и вытекает: и равнодушие майора, и ненадежность охраны, и паровоз.

— Понятно. — Мате потер щеку. — Но от этого нам не легче... — Он скло-

нился над картой. — Скоро будет большая станция.

— Да, узловая, — кивнул Лавров.

Мате задумался, потом с веселой усмешкой посмотрел на товарищей и встал.

— Паровоз будет!

И когда через некоторое время поезд, грохоча на стыках, подошел к вокзалу, с подножки соскочили два иностранных офицера — майор и прапорщик. Несмотря на поздний час, на перроне было оживленно. Готовился к отправке воинский эшелон. Взад и вперед прохаживались офицеры, шныряли какие-то штатские. Расталкивая толпу, небрежно козыряя русским офицерам, майор и прапорщик скрылись в здании вокзала. Больше из поезда никто не вышел, и, казалось, будто там и нет никого. Лишь мрачные часовые застыли на площадках вагонов и угрожающе щелкали затворами, когда кто-нибудь из любопытных подходил слишком близко к поезду.

Какой-то толстяк с аккуратно подстриженной бородкой и в новеньком котелке, схватив за руку интендантского офицера, быстро зашептал:

— Господин интендант, это, наверное, то самое, что обещал нам господин Колчак?

— Что? — не понял интендант.

— То самое сверхмощное секретное оружие, переданное русской армии союзниками?

Интендант неопределенно пожал плечами, а господин в котелке, поняв этот жест как утверждение, помчался вприпрыжку по перрону и, хватая за руки знакомых, что-то нашептывал им. Через несколько минут все на пер-

роне знали, что этот поезд везет новое оружие — не то сверхмощную взрывчатку, не то какие-то аппараты, испускающие «лучи смерти», — одним словом, оружие, моментально уничтожающее большевистские армии.

Между тем иностранцы, не торопясь, но решительно вошли в кабинет начальника станции. Начальник почтительно встал им навстречу, по-штатски неумело приложив руку к козырьку фуражки. Прапорщик что-то быстро сказал майору, тот кивнул и выжидающе посмотрел на начальника станции. Поняв, начальник махнул рукой, и двое молодых людей, топтавшихся у стола, быстро вышли из кабинета. Майор одобрительно кивнул. Офицеры опять перекинулись несколькими фразами на чужом языке, и младший, подойдя вплотную к столу, сказал, правильно выговаривая русские слова:

— Поезд особо важного значения. Господин Колчак, господа английские и французские советники весьма заинтересованы в скорейшем продвижении этого поезда.

Начальник станции наклонил голову.

— Я могу немедленно отправить состав.

— Да, это необходимо. Вы сделаете это сейчас же, как только будет сменен паровоз. Нужен новый мощный совершенно исправный паровоз. — И, заметив на лице начальника станции растерянность, офицер усмехнулся. — Впрочем, если это представляет для вас трудность — разрешите связаться по телеграфу со штабом господина Колчака. Вы получите необходимое подтверждение. И указание, — добавил он многозначительно.

— Телеграфная связь почему-то уже несколько часов как прервана. И, кроме того, я постараюсь так, — начальник станции попытался улыбнуться.

— Постараетесь? — все время молчавший майор в упор посмотрел на него.

— Сделаю, господин полковник.

— Майор, — мягко поправил тот. — Сделайте, пожалуйста. И немедленно, — он вынул из кармана часы. — Пятнадцать минут хватит?

— Господин майор...

— Хватит, — не слушая, сам себе ответил майор. — Пожалуйста, действуйте. Прошла уже половина минуты.

Начальник станции быстро вышел из кабинета. Он готов был сделать все, чтобы только поскорее избавиться от этих странных людей. Они были совершенно не похожи на тех офицеров, с которыми постоянно сталкивался начальник станции. Пьяные или озлобленные, страшные в своей ярости или безудержной разухабистости, они шумели, требовали, грозили, размахивая револьверами. Эти же держались спокойно, вежливо, но в их глазах была такая твердость, что вряд ли кто-нибудь осмелился бы не выполнить их приказ.

Но, выйдя из кабинета, начальник схватился за голову — где взять паровоз? Единственный мощный паровоз, имевшийся на станции, был уже прицеплен к воинскому эшелону и стоял под парами. Проклиная свою судьбу, ругая на чем свет стоит большевиков, а заодно — англичан и французов, начальник побежал к воинскому эшелону.

Как только начальник станции закрыл за собою дверь, Мате и Ильин быстро подошли к окну. На первом пути темнел состав. Ни один огонек не оживлял мрачные прямоугольники вагонов, а поблескивающие в свете тусклых вокзальных фонарей штыки часовых придавали поезду еще более зловещий вид.

— Ну, как твое мнение? — тихо спросил Ильин.

Мате кивнул на часы. Прошло уже девять минут с момента ухода начальника станции. Оба молча впились глазами в циферблат. Секундная стрелка сделала еще один круг, затем второй, третий, пятый...

— Четырнадцать минут, — шепнул Ильин.

В коридоре слышались шаги, громкие голоса, и дверь распахнулась. В кабинет почти вбежал начальник станции, вслед за ним вошел бравый седоусый подполковник.

— По какому праву вы забираете наш паровоз?! — еще с порога закричал он.

— Вот, господин майор... Вот, господин подполковник, — поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, плачущим голосом говорил начальник станции.

Мате вдруг весь подобрался и медленно, каким-то кошачьим шагом стал подходить к подполковнику. Шея его начала багроветь, на щеках появились красные пятна. В кабинете повисла напряженная тишина. Подполковник, не ожидавший этого, остановился у косяка, забыв закрыть за собою дверь.

— Закройте дверь! — резко крикнул Мате,

и подполковник послушно исполнил приказание.

Подойдя еще на шаг, Мате тихо, отделяя каждое слово, произнес:

— Вы что, в своем уме? — его светлые глаза потемнели от гнева. — Вы хотите познакомиться с бароном фон Бутбергом?

При упоминании фамилии начальника контрразведки подполковник слегка побледнел.

— Смирно! — вдруг гаркнул Мате, видя что произвел должное впечатление. — В какой части служите?

Подполковник открыл было рот, но Мате не дал ему говорить. Повернувшись к Ильину, он отчеканил:

— Прапорщик, составьте донесение на имя Колчака. Сообщите, что на этой станции большевистски настроенный подполковник чинил препятствия в отправке нашего особо важного состава.

— Господин майор, — бледный подполковник стоял, вытянув руки по швам.

— Что такое? — Мате презрительно смерил его взглядом.

— Господин майор, прошу выслушать меня. Наш эшелон назначен к срочной отправке. Здесь новобранцы. Сами знаете, народ они весьма ненадежный, откровенно говоря, не представляю, как и доведу их. И вдруг у меня отбирают паровоз...

— Никто у вас ничего не отбирает, а только меняет. Вы получаете другой паровоз. Вот, — Мате показал рукой в окно. — Вполне пригодный и исправный паровоз.

— Господин майор, так я же не знал! Убедительно прошу извинить меня.

Мате еще раз смерил взглядом braveго подполковника и махнул рукой.

— Немедленно поменяйте паровозы, — обратился он к начальнику станции. — Даю вам сейчас десять минут. Мы и так уже потеряли половину часа. Исполняйте!

— Артист! — восхищенно шепнул Ильин, когда они снова остались одни в кабинете.

— Хорошо, да? — Мате радостно улыбнулся и вытер платком шею. Удивительно не похож был он сейчас на того свирепого майора, которого изображал минуту назад.

Ильин взял Мате за локоть и кивнул на окно. Вместо отцепленного маленького паровозика к составу подгоняли мощный локомотив. Лишь только лязгнули буфера — на тендер поднялись двое часовых в коротких австрийских шинелях.

Вошел запыхавшийся начальник станции.

— Ваше приказание выполнено.

— Благодарю! — майор козырнул и направился к выходу. Прапорщик последовал за ним. Начальник станции засеменял впереди, предупредительно открывая двери. Офицеры легко вскочили на подножку, и майор еще раз козырнул начальнику станции. Поезд двинулся вперед. Бородатый толстяк в котелке вытащил из кармана платок и замахал вслед.

— Это новейшее оружие против большевиков повезли, — таинственно зашептал он очутившемуся рядом священнику, — страшное оружие. Пшик — и ни одного большевика не останется.

Священник широко перекрестился и, подняв кверху глаза, прогнусавил:

— Дай бог, дай бог уничтожить все большевистское семя.

Толстяк молитвенно сложил руки и тоже поднял глаза вверх.

Перестук колес еще не стих вдали, когда к начальнику станции подбежал взволнованный дежурный.

— Вот, — он протянул начальнику клочок бумаги, — мне кто-то передал с этого состава. Читайте, читайте скорей!

Почувствовав недоброе, начальник схватил бумагу, но никак не мог нацепить на нос очки. Наконец справившись с ними, он прочел торопливо нацарапанные строчки: «Необходимо задержать поезд. Это большевики».

— Боже! Я им лучший паровоз!.. Отцепил от воинского эшелона! — начальник схватился за сердце.

— Потом будете переживать, — зло оборвал его дежурный, — сейчас необходимо передать по линии.

— Связь прервана!

-- Это на восток. А на запад...

Дежурный бросился к вокзалу, но, увидав офицерский патруль, остановился.

— Вон тот бородач, — показал он, — по всей видимости, большевистский агент. Задержите его. Доказательства я представлю позже.

Он посмотрел вслед патрулю, уводившему упирающегося толстяка.

— Там ты помашешь вслед большевикам платочком, — процедил он сквозь зубы.

...Рассвет застал поезд далеко от города. Мощный паровоз рвал встречный ветер, легко ведя за собой вагоны. Лавров подставил голову ветру.

— Если так пойдет дальше, мы быстро выскочим из этого пекла.

Поезд мчался, все набирая скорость. А впереди, намного обогнав его, уже летела телеграмма.

12

Стрелка манометра, показывающего давление в котле, приближалась к красной черте, но Андрей все бросал и бросал уголь в топку. Он, как и все в этом поезде, знал, что дорогá каждая минута, каждый километр. И все время — и когда помогал Лаврову, и когда самостоятельно вел состав — Андрей помнил об этом. Он все больше верил в успех дела, и радость захлестывала его.

В командирском купе были также возбуждены удачей. Марков восхищался находчивостью Мате и Ильина и от души хохотал над незадачливым станционным начальником и подполковником. Единственно, чем недоволен был Марков, — что сам он не принимал участия в операции и его даже не пустили на пер-

рон: Ильин дал строгий приказ — не выпускать никого. Но это огорчение было ничтожно по сравнению с его шумной радостью.

— Ну до чего же тупы эти колчаковцы! — смеялся Марков.

Мате поднял на него спокойные голубые глаза с чуть припухшими от бессонных ночей веками.

— Нет, враг не так уж глуп и пока еще достаточно силен, — возразил он. — И поверить в глупость врага — значит, наверняка обречь себя на неудачу.

Марков удивленно поднял брови и развел руками.

— Ну, знаешь ли, ты заблуждаешься. Все факты показывают глупость, а стало быть, какую-то слабость врага.

— Нет, это не глупость и не слабость. Наши действия слишком дерзки, я бы сказал, фантастичны по своей дерзости. Вряд ли может себе представить начальник станции или тот же подполковник, что в центре территории, занятой армией «верховного правителя Руси», большевики захватили поезд с золотым запасом и гонят его по железной дороге к линии фронта, чтобы передать это золото Советскому правительству. Ведь для них это утопия. Верно?

— Утопия, — кивнул Марков. — И все-таки я объясняю наш успех растерянностью и обреченностью врага. Наступление Красной Армии действует на них так, что они заняты только одной мыслью — быть или не быть и куда податься в случае... — Марков сделал выразительный жест,

— Мне кажется, Петр Иванович, что вы слишком благодушно настроены, — сказал внимательно слушавший спор Ильин. — Должен предостеречь вас от излишней самоуверенности.

Он встал и вышел из купе.

За окном проносилась густая черная ночь. Редкие искры, вылетающие из трубы паровоза, перечеркивали иногда темный прямоугольник окна и тотчас же гасли. Ильин постоял немного, прислушиваясь к мерному стуку колес, и медленно пошел по вагону. На площадке неподвижно, как изваяние, стоял часовой — немолодой рыжеволосый австриец. Ильин узнал Бокмюллера. Он провожал глазами гаснущие искры и очень тихо напевал какую-то задумчивую мелодию. Может быть, вспоминал он родину, а может быть, думал о том, что несколько лет назад пришел он на эту землю врагом, пришел убивать, уничтожать, жечь, а теперь, как и тысячи его земляков, с оружием в руках защищает эту землю. Когда-нибудь вернутся они на родину, о многом им придется рассказать, многое в жизни придется переделывать.

Заметив Ильина, австриец вопросительно посмотрел на него. Но Ильин только кивнул и быстро прошел в соседний вагон. Этот немолодой человек всегда привлекал его. И сейчас он понял, почему. Австриец, не пожелавший вернуться на родину, к семье, возненавидевший войну, но продолжающий сражаться — он был олицетворением великого братства трудящихся всего мира.

На секунду задержавшись, Ильин оглянул-

ся. Бокмюллер по-прежнему стоял неподвижно, провожая глазами искры. Часовой на площадке соседнего вагона — молодой русский парень в черной сатиновой косоворотке и лоснящемся от мазута пиджаке — улыбнулся, заметив взгляд Ильина, и тихо сказал:

— Франц у нас мировой мужик. Очень толковый. Много знает и рассказывает нам.

— Про что же?

— Про разное. Но лучше всего про лес и животных. Он ведь учителем был там, — часовой неопределенно махнул рукой в темноту. — Но, правда, и мы ему кое-что порассказали. Тоже ахал и удивлялся.

— А вы про что?

— Как мы жили, как работали и как боролись, — с гордостью произнес парень. — В общем, поговорить есть о чем. Кабы вот так-то всегда разговаривать да понимать друг друга — может, совсем по-другому люди зажили бы во всем мире, — и для убедительности рубанул рукой воздух.

Ильин вошел в вагон. На нижних полках спали или тихо разговаривали бойцы, на верхних навалом, без счета лежали кожаные и холщевые мешочки с золотом и драгоценностями. Ильин вдруг подумал, что он, начальник поезда, ответственный за все эти несметные богатства, не только не знает, сколько он везет золота, но даже и не видал его.

Он прошел все вагоны. Всюду была одинаковая картина — одни бойцы спали, другие тихо разговаривали о своих делах, нисколько не смущаясь соседством такого огромного богатства. Ильин видел, как пожилой рабочий, за

всю жизнь не заработавший, может быть, и тысячной доли того, что находилось в небольшом мешочке, поднял такой мешочек, свалившийся с полки, и забросил обратно. И было в его движении столько спокойствия, столько равнодушия, даже, пожалуй, презрения к богатству, что Ильин невольно остановился. Горячая радостная волна захлестнула сердце.

В последнем вагоне была полная тишина. Все спали, только один, ссутулясь, сидел у окна, внимательно разглядывая что-то у себя на ладони. Ильин узнал Владимира Филиппова, крестьянина, недавно поступившего в депс. Услыхав шаги, Филиппов повернулся к Ильину и протянул руку. На большой ладони лежало несколько золотых монет — десятирублевых.

— Вот, — Филиппов широко улыбнулся, — первый раз в жизни так близко золото вижу. Честное слово!

Ильин взял одну монету и тоже стал рассматривать. Он и раньше держал десятирублевки в руках, но сейчас испытывал совсем иное чувство. Это было золото его Республики. Задумавшись, он не сразу услышал вопрос Филиппова:

— Так что же можно сделать на эти деньги, товарищ Ильин?

— Много, Володя, очень многое народ сможет сделать на эти деньги. Построить школы и больницы, накормить голодных и одеть раздетых... — Ильин замолчал. Ему не хотелось говорить стертых фраз, а другие, настоящие слова почему-то сейчас не приходили. —

Короче говоря, сам увидишь скоро, что может сделать народ-хозяин.

Лицо Филиппова было серьезно и немножко грустно. Он подбросил монету на ладони.

— А вот будь у меня такие монеты ну хоть лет шесть назад... И старики мои не померли б с голоду, и сам я, может, другим был бы. Шапку передо мной ломали бы все, как перед нашим богатеem Барановым... Вот ведь счастье в чем было и вот человека за что ценили, — не то Ильину, не то самому себе сказал он.

— Свалился мешочек и лопнул, — будто угадав готовый сорваться у Ильина вопрос, опять заговорил Филиппов. — Вот, — он показал на мешочек. Из лопнувшего шва выглядывали монеты, поблескивая тусклым желтым светом. — Решил посмотреть.

Ильин кивнул и вышел на площадку последнего вагона. Как два серебристых следа, тянулись за поездом рельсы. И рельсы, и шпалы, и верстовые столбы, и угрюмые ночью деревья теперь были облиты холодным голубоватым светом луны. «Какой-то сказочный мир», — подумал Ильин. И вдруг ему вспомнились сказки, которые он очень любил в детстве — «Али-баба и сорок разбойников», «Волшебная лампа Аладина» и многие другие. Во всех этих сказках говорилось о несметных богатствах, о том, как стремились к богатству люди и какими счастливыми становились, добывая его. Ильин усмехнулся и покачал головой.

Проходя обратно мимо купе Филиппова, он

заметил, как тот старательно зашивал мешок большими, неуклюжими мужскими стежками.

Ильин вернулся в свой вагон. Марков уже спал, свернувшись на полке калачиком и похрапывая. Мате встретил Ильина ревнивым вопросом:

— Проверять посты ходил? Не доверяешь мне?

— Доверяю, друг, доверяю, — улынулся Ильин.

Они замолчали, глядя в темное окно. Луна снова исчезла, и ночь будто стиснула поезд.

— О чем думаешь, Сергей Всеволодович?

— Об одном очень богатом человеке. О графе Монте-Кристо, — ответил Ильин.

— О, Монте-Кристо. Я читал на французском языке. У меня был гувернер-француз. — Мате помолчал. — Отец мой был очень богат. Но, конечно, не так, как граф Монте-Кристо. А я теперь богаче, чем отец. И даже богаче, чем Монте-Кристо, — закончил он серьезно.

Мерно постукивали колеса, казалось, что нет войны, нет врагов, нет подстерегающей на каждом шагу опасности. Но так лишь казалось. Угроза, близкая, реальная, уже нависла над поездом.

13

Штабс-капитан Маринин любил размах. Он критически осмотрел пассажирский зал ожидания и коротко приказал:

— Убрать!

— Простите, как? — не понял начальник станции.

— Я не привык два раза повторять! — рассердился Маринин. — Убрать отсюда всех посторонних. Этих вот, — он ткнул пальцем в пассажиров. — Я буду праздновать свои именины здесь!

— Да, но, господин штабс-капитан, это зал ожидания. Его нельзя занимать. Пассажирам некуда будет деваться.

— А, черт возьми! — закричал Маринин, размахивая красными волосатыми кулаками. — Какие пассажиры? Какие пассажиры могут быть в военное время, я вас спрашиваю?!

— Здесь прекрасный буфет, — робко возражал начальник станции.

— Что-о-о? Мои именины — в буфете? К черту! Я дворянин! У меня имение в Орловской губернии! Дом сам Растрелли строил!

Начальник станции почтительно топтался на месте, сверху вниз глядя на маленького штабс-капитана.

— Ну, что вы стоите? Я же приказал!

Начальник пожевал губами, подыскивая новое возражение.

— Но, господин штабс-капитан, зал очень велик. Где взять столько гостей?

Маринин схватил начальника станции за грудь, притянул к себе и, дыша ему в лицо водочным перегаром, закричал:

— На моих именинах не будет гостей?! Да весь гарнизон придет поздравить меня! Я здесь, на вашей паршивой станции, единственный дворянин! У меня имение в Орловской губернии!

Он еще долго кричал, сквернословил, раз-

махивал кулаками и в конце концов добился своего: пассажирский зал ожидания был превращен в ресторанный зал.

Несколько столов коленчатой линией пересекали его поперек. Стулья, скамьи, табуретки, кресла — все пошло в ход. Однако, если бы Маринин был потрезвее и мог внимательно осмотреться, он пожалел бы о затеянном. Кучка офицеров — комсостав «гарнизона», как называл Маринин небольшой отряд, расположенный на станции, — представляла жалкое зрелище. Сбившись на одном конце огромного стола, они казались придавленными пустотой большого, мрачного, плохо освещенного зала. Видимо, все, кроме Маринина, чувствовали себя неважно, и кое-кто даже пытался ускользнуть. Но часовой, поставленный у дверей штабс-капитаном и получивший от него строгое приказание не выпускать и не впускать никого, молча преграждал всем дорогу. Тогда, махнув рукой, офицеры принялись за водку, и под мрачными сводами все громче и громче стали звучать пьяные голоса.

Задуманный первоначально «торжественный обед» затянулся до вечера, перешел в ужин, пьяная компания потеряла счет времени. Объедки и битая посуда покрыли и без того грязный пол. На скатертях уродливо расползлись винные пятна. Осипшие голоса то и дело пытались затянуть какую-то песню, но другие голоса бесцеремонно перебивали ее...

Поминутно то один, то другой требовал внимания и, покачиваясь, предлагал тост. Пили за победу и доблестное русское офицерство,

за могучую армию Колчака и конец большевиков, за союзников и все четыре — по уверениям Маринина — его имения в Орловской губернии. Пьяные крики «ура» сопровождали каждый тост, и редкие пассажиры или рабочие станции, проходя мимо, отворачиваясь, говорили:

— Офицерство гуляет.

Офицерство гуляло. В пьяных кутежах и дебошах, в хмельном угаре пытались забыться они, не думать о прорыве фронта, об отступлении армии Колчака, о партизанах, которые в любую минуту могли налететь на станцию, о своей судьбе обреченных, выброшенных жизнью, проклятых народом людей. Офицерство гуляло. И молча стоял у дверей часовой. Никто не знал, о чем он думает, никто и не интересовался им — он был простой солдат и выполнял приказ. Может быть, в другое время Маринин заметил бы угрюмый, тяжелый взгляд солдата, может быть, даже задумался над этим. Но сейчас ему было не до того.

— Господа! — кричал он. — Я дворянин. У меня в Орловской губернии... я... да, предлагаю спеть «Боже, царя храни»!

— Протестую! — визжал тощий прапорщик с унылым угреватым носом. Едва держась на ногах и расплескивая водку, он мотал маленькой головкой. — Протестую. Я убежденный демократ. Я не буду петь монархические песни!

— Молчи, демократ, — сосед хлопнул прапорщика по спине, тот упал на стул и сейчас же захрапел.

Осипшие голоса вразнобой запели «Бож царя храни».

И напрасно начальник станции пытался перекрычать пьяных офицеров, напрасно размахивал перед часовым телеграммой, напрасно грозил, убеждал. Часовой с какой-то непонятной начальнику яростью, стиснув зубы, преграждал ему дорогу.

— Господин штабс-капитан! — кричал начальник станции, приподнимаясь на носки и складывая ладони рупором. — Господин Маринин! — Но голос его тонул в пьяном гуле, криках и звоне посуды. — Господин штабс-капитан! — надрывался начальник.

Наконец Маринин поднял голову и посмотрел на дверь. Начальник станции отчаянно замахал руками.

— Свинья, — выругался Маринин. — Сейчас я его убью. — Он встал, сильно шатаясь, подошел к начальнику и уставился на него мутными, бессмысленными глазами.

— Ты что орешь, демократ паршивый, а?

— Я не демократ, господин Маринин. Я убежденный монархист, смею вас заверить...

— Врешь, каналья. Зачем кричишь?

— Телеграмма, господин штабс-капитан, очень важная!

— К черту, — промычал Маринин поворачиваясь. — У меня именины.

— Умоляю вас, господин штабс-капитан! — начальник протянул Маринину бумажку.

Покачнувшись, штабс-капитан взял листок и стал вглядываться в прыгающие перед глаза

ми строчки. Постепенно отдельные слова стали складываться в фразы и смысл их начал доходить до его помутневшего сознания. Вдруг он вскрикнул и рванулся к начальнику станции.

— Какого черта ты молчал раньше!

— Я... простите, он... — начальник кивнул на часового.

Маринин всем корпусом повернулся к часовому.

— Сукин сын! Я тебя!..

Где-то недалеко послышался гудок паровоза.

— Умоляю вас, — зашептал начальник станции. — Это они.

— Господа! — закричал Маринин, бросаясь в глубь зала. — Большевики...

Истерически вскрикнула какая-то девица, повскакивали, опрокидывая столы и стулья, офицеры, зазвенели бутылки и посуда.

— Без паники, господа. Большевики захватили поезд с золотом и едут прямо сюда. А мы их сейчас... за мной, господа, ура!

...Лавров вел поезд на предельной скорости. Лишь у самой станции он замедлил ход и, воспользовавшись открытым семафором, подал состав на первый путь. Поезд еще не остановился, когда Лавров увидел группу подбегавших людей. Впереди бежал штабс-капитан без фуражки, с револьвером в руках. Лавров повернулся к своему помощнику. Андрей понял и схватил лопату. Паровоз рванулся и, обдавая паром орущих, размахивающих руками и стреляющих людей, промчался мимо. Шальная пуля ударила в окно последнего ва-

гона, и осколки стекла посыпались на перрон. Больше Маринин ничего не видел.

— Стрелку! — отчаянно закричал он.

Но было уже поздно — поезд вырвался за пределы станции.

14

Полковник Птицын запер дверь, чтобы наедине, без помех поразмыслить над картой. Воспитанник генерального штаба, признанный в кругу сослуживцев стратег и теоретик, он считал себя обязанным анализировать военные действия, отдельные операции и приказы высшего командования. Правда, о своих выводах он никому не говорил, тем более что в последнее время анализ операций доставлял ему все меньше и меньше удовольствия. Часто сообщения с фронта были настолько неутешительны, а распоряжения командования так беспомощны, что Птицын в отчаянии швырял карандаш и убирал глубоко в ящик стола исчерченную разноцветными стрелками карту. И все-таки совсем отказаться от своей привычки он не мог. Ежедневно, получив телеграммы, он пробегал глазами сводки и сообщения, хватал карандаш, быстрыми и точными движениями наносил несколько стрелок на карте. Впившись в нее лихорадочно блестящими глазами, до хруста сжимая зубами мундштук изящной брюэровской трубки, он шептал в упоении:

— Бездарности. Вот, вот что здесь надо делать. Так, так — и фронт прорван! Виктория! Подобный случай описан у Клаузевица.

Потом Птицын бессильно откидывался на спинку кресла, наливал в рюмку ликер и тянул его, брезгливо косясь на телеграмму. Выпив две-три рюмки, он снова хватал карандаш, циркуль, и изломанная тень его снова металась над исчерченной стрелками и кружками картой.

Но в этот день полковник недолго размышлял о стратегии. Скомкав карту, он сунул ее в ящик и устало облокотился на стол, сжимая голову руками.

— Боже мой, — шептал он тонкими бескровными губами. — Боже мой. И это спасение России?! Это гибель! Конец государству!

Стук в дверь оторвал полковника от неведомых мыслей. Все в штабе знали, что в эти утренние часы, получив телеграммы, полковник изучает их и «мыслит». Его старались не беспокоить. Но сегодня произошло, видимо, что-то необычайное: стук повторился громче и настойчивее.

«Опять мужики взбунтовались», — подумал Птицын и почувствовал, как мороз пробежал у него по спине. Он вспомнил недавнее крестьянское восстание, охватившее чуть ли не весь уезд. Восставшие крестьяне несколько дней вели бои с карателями и, разгромив их, ушли в тайгу с семьями, со всем своим имуществом, со скотом. Преследовать их колчаковцы не решились. Город до сих пор находился на особом положении, и военный комендант — полковник Птицын — ожидал чрезвычайных происшествий в любую минуту.

Быстро спрятав бутылку с ликером и бро-

сив на стол карту, он одернул китель, привычным жестом поправил пробор и, твердо ступая, подошел к двери.

— Простите, господин полковник, — офицер поспешно протянул узкую ленту. — Начальник связи приказал срочно доставить вам.

— Сколько раз я просил не присылать мне телеграфных лент, — поморщился Птицын, читая первые значки азбуки Морзе. Вдруг глаза его сузились, и он торопливо стал разматывать ленту. Потом почти бегом бросился к столу, дрожащими руками развернул карту.

— Это же феноменально! Это же ни на что не похоже! — шептал он, водя остро отточенным карандашом по красной извилистой линии, обозначающей на карте железную дорогу. — Только в матушке-России может быть такое. Большевики захватывают поезд. С чем? С золотым запасом! Где? В самом центре нашей территории, буквально под носом у ставки! Двое суток они беспрепятственно гонят его по железной дороге. Это же уму непостижимо!

Птицын еще раз прочел телеграмму. Ставка сообщала о захвате поезда и приказывала немедленно любыми средствами задержать этот поезд, где бы он ни находился. Птицын быстро зашагал по комнате. Офицер связи пристально разглядывал карту.

Опять раздался стук в дверь, и вошедший подал Птицыну новую телеграмму. Прочитав ее, полковник вдруг стал спокоен, руки перестали дрожать, движения сделались уверенными, четкими.

— Маринин сообщил, что поезд на полном ходу прорвался через его станцию. Маринин

принял все меры, делал героические усилия, чтобы задержать поезд, но большевики прекрасно вооружены и ведут непрерывный огонь из пулеметов, — бросал Птицын через плечо офицерам. — Это было... — он взглянул на телеграмму, — это было в семь пятнадцать утра. Поезд идет со скоростью приблизительно... От нас до Маринина... — циркуль и линейка быстро двигались по карте. Птицын поднял голову и выпрямился. — Через час поезд должен быть здесь. У нас еще есть время, чтобы подготовиться к встрече. Благодарю вас, господа, — кивнул он офицерам и, не дожидаясь пока они выйдут, повернулся к телефону.

Десяти минут ему было достаточно, чтобы не только продумать план операции, но и отдать нужные приказания. Все было рассчитано точно. На главном пути поставлено несколько пустых платформ, на боковых путях — вагоны, в которых спрятались солдаты. На крышах этих вагонов установлены пулеметы. Поезд будет захвачен молниеносно!

Полковник на секунду прикрыл глаза и глубоко затянулся душистым дымом.

— Это будет гениальная операция, пример для всех, — прошептал он. — Когда-нибудь этот небольшой исторический эпизод станет известен всему миру. А в военных академиях его будут изучать. Вот она, моя виктория! Наконец-то!

Он быстро встал и приказал подать машину: полковник лично проверял выполнение своих распоряжений. Да, все было готово к молниеносному захвату поезда.

Птицын щелкнул крышкой золотых часов.

— Через двадцать минут они будут здесь, — сказал он сопровождавшим его офицерам. — Запомните этот день, господа — день вашей славы!

Прошло двадцать минут, но поезда не было. Прошел час — поезда не было. Прошел еще час, затем другой, третий — поезда не было. Он не прибыл совсем.

15

Сухонький седой старичок прислушался, отодвинул стакан с чаем и быстро вышел на крыльцо.

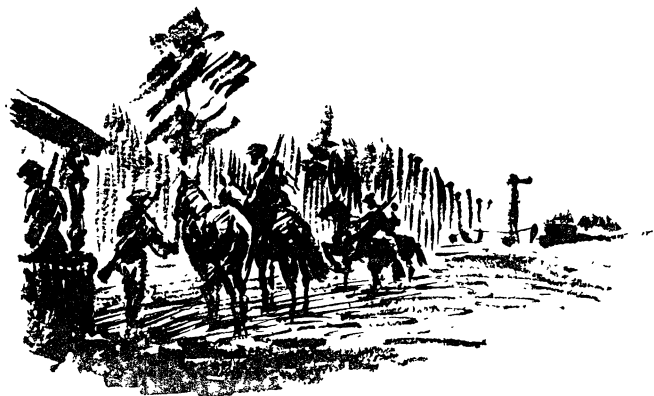
— Климовна, загоняй скотину! — крикнул он, на ходу надевая форменную тужурку. — Ирод скачет!

Такая же маленькая сухонькая старушка, кормившая у сарая тощего петуха и двух светлых кур, испуганно замахала руками.

— Ах, ты батюшки, — причитала она, загоняя непокорного петуха в открытую дверь. — Не даст, ирод, птичкам погулять. Кыш! Пошли домой, милые!

Это повторялось почти каждый день.

На маленьком безымянном полустанке дольше, чем на минуту-две, поезда не задерживались, И уж, конечно, телеграфная установка была здесь совершенно не нужна. Однако по чьей-то прихоти половину крошечного станционного помещения занимал телеграф. Начальник полустанка, он же дежурный и обходчик, служивший на этой дороге не один десяток лет, должен был выполнять и обязанности телеграфиста. Но так как это никому не

было нужно, он стал все реже и реже заходить в телеграфное отделение и, наконец, совсем махнул рукой.

В это время недалеко от полустанка появилась банда Мишки Одноглазого.

Тогда много банд шаталось по земле молодой Советской республики. Это были подонки, отребье человечества, поднятые со дна великой очистительной волной революции. Они завертелись на поверхности, сияясь плыть против течения, зацепиться, удержаться во что бы то ни стало. Но, чувствуя свое бессилие и обреченность, они все больше свирепели, истязали и убивали беззащитных, безоружных людей, пьянели от крови и вновь шли на самые черные, подлые дела. Напрасно некоторые из них прикрывались разными названиями, даже выдумывали себе какие-то «платформы» — человеконенавистническая сущность у всех была одна.

Банда Мишки Одноглазого была одной из тех многочисленных шаяк, в которых собрались уголовные элементы и дезертиры. Выброшенные отрядами чекистов с территории Советской России, они перешли линию фронта и обосновались временно занятой Колчаком Сибири. Здесь, в тайге, они чувствовали себя относительно спокойно, удовлетворяясь налетами на деревни и грабежом.

Бандиты не помышляли вернуться обратно, в европейскую часть страны, но мысль о том, что красные, разбив Колчака, придут и в Сибирь, не давала Мишке покоя. Еще находясь в армии Деникина, он на собственной шкуре убедился, какую силу представляют плохо вооруженные и почти необученные, но одержимые верой и волей к победе красноармейские полки. Пожалуй, именно поэтому Мишка не пошел на службу к Колчаку, а организовал шайку и скрывался в тайге.

Страх и желание знать, что происходит там, на фронте, загнали как-то Одноглазого на полустанок. Увидев телеграфный аппарат, да еще совершенно исправный, Мишка пришел в восторг и с тех пор часто приезжал сюда один или в сопровождении «адъютантов». Старому начальнику полустанка вновь пришлось сесть за аппарат и докладывать бандиту о положении на фронте. Сначала Мишка был очень доволен. Но последнее время он становился все мрачнее, и старик с радостью замечал звериный страх в его глазах.

И на этот раз мертвенно-серое лицо главы шайки было невеселым. Мишка вошел в телеграфное отделение, сел в приготовленное

для него кресло и молча положил перед собой револьвер. Два сопровождавших его бандита остановились за спиной старика.

— Вот что, господин Морзе, — сказал один из них, юноша лет семнадцати с наглым прыщеватым лицом. — Если вы будете сегодня брехать неприятные для нас вести... — он выразительно щелкнул по деревянной кобуре маузера.

Старик вдруг разозлился.

— Какой я вам Морзе! — закричал он петушиным голосом, вскакивая со скамейки. — Морзе был знаменитый изобретатель, а я никто. И все же я человек честный и не могу говорить того, чего нет на самом деле. Что передает телеграф, то я и повторяю.

— Ну, хватит болтать! — крикнул Мишка. Ты, дед, включай аппарат, а ты, — он повернулся ко второму бандиту, губастому парню в красных галифе и гимназической фуражке, сбитой на затылок, — ты подай мне земной шар.

Губастый развязал мешок и подал Мишке глобус.

— Говори, дед, все, что передают, — величественно разрешил Мишка. — Нам все надо знать, чтобы разобраться в обстановке. А ты не болтай лишнего, — зло бросил он молодому парню.

Старик включил аппарат и нагнулся над быстро побежавшей лентой. Лицо его вдруг побледнело, он зачем-то снял фуражку, снова надел ее и вытер платком выступивший на лбу пот.

— Ты что молчишь? Язык проглотил?! —

крикнул Мишка, чувствуя, что волнение старика передается ему.

— Тут вот... так сказать, сообщение... по линии, — старик оторвал и протянул Мишке телеграфную ленту.

— Да что ты мне ленту суешь, старый хрен. Ты читай, читай! — Он схватил револьвер и щелкнул курком. — Застрелю, чертова перечница! Лешка, помоги ему разобраться.

Бандит в гимназической фуражке взял из рук старика ленту, и его сонное, ничего не выражающее лицо расплылось в глупой улыбке.

— Смешно, — сказал он, растягивая слова, — едет к нам казна государственная. Ну-ка, старик, прочти это с выражением, я что-то плохо понимаю.

— «Поезд с государственным золотым запасом, захваченный большевиками, с ходу прорвался через станцию. Мы приняли все меры, героически сражались, но большевики хорошо вооружены, ведут непрерывный огонь из пулеметов. Необходимо задержать поезд. Штабс-капитан Маринин. 7 часов 15 минут».

Серое, мертвенное лицо Мишки покрылось красными пятнами. Он вскочил, опрокинув стул, схватил ленту, снова швырнул ее телеграфисту, потом вытащил часы-луковицу.

— Лешка, останешься здесь. Будешь принимать все сообщения. Шкуру спущу в случае чего! — Он выбежал из помещения.

Через секунду за окном послышался удаляющийся топот двух лошадей.

— Эх, атаман большое дело задумал, а я тут сижу. Поделят они золото без меня! — гу-

бастый бандит тоскливо посмотрел в подслеповатое окошко и еще дальше на затылок сдвинул свою фуражку. — Слушай, старик. Сиди здесь и принимай сообщения. В случае чего — шкуру спущу. И смотри — атаману ни слова! — он покрутил перед лицом старика кулаком и выскочил на крыльцо.

Мишка торопился. Огромное, неисчислимое богатство само плыло в руки. Он уже видел себя самым богатым человеком в мире. О, тогда он покажет себя! Европа, Америка, Австралия — всюду он будет самым желанным гостем...

Ветки больно хлестали его, лицо было исцарапано в кровь — Мишка ничего не замечал. Он спешил к своей банде. Ему не терпелось поскорее разобрать путь, захватить поезд и запустить руки в мешки, набитые золотом.

И, когда спустя час из укрытия неподалеку от разобранного пути он увидел приближающийся поезд, сердце готово было выскочить из груди. Сто метров... пятьдесят... десять... Грохот, скрежет железа, звон стекла — все смешалось для Мишки в радостный, веселый звон золотого дождя. Он выскочил из укрытия и помчался к перевернутым горящим вагонам. Обгоняя его, крича и размахивая оружием, к составу бежали бандиты.

16

— Итак, наше передвижение стало известно по линии, — сказал Ильин, едва поезд миновал станцию, где веселился штабс-капитан Маринин. — Этого следовало ожидать. — Ильин

погасил самокрутку и закурил новую. — Правда, я думал, это произойдет позже... Быстро они исправили телеграфную линию!

— Может быть, связь вообще не прерывалась, — заметил Марков. — Неизвестно, удалось ли это сделать.

— Может быть, — кивнул Ильин.

— Ясно одно, — тихо сказал Лавров, — на ближайшей же станции нам приготовлена хорошая встреча.

— Нельзя вперед, нельзя назад — надо пока вбок, — Мате вопросительно посмотрел на всех.

— Да. Это сейчас единственный выход. Остановить поезд и выгрузить золото. Спрятать его временно в тайге. — Ильин повернулся к Лаврову: — Семен, где, по-твоему, надо остановить поезд?

— Часа через два будет полустанок. Так вот, километров тридцать не доезжая. Места подходящие.

Ильин взглянул на часы и встал.

— Я по вагонам. Мате, ты пойдешь со мной?

После первого обхода вагонов Ильина тянуло к бойцам, и сейчас он поймал себя на том, что, несмотря на тревогу за судьбу поезда, с удовольствием идет к ним.

Еще в тамбуре Мате и Ильин услышали звуки губной гармошки и, неслышно войдя в вагон, остановились. Бойцы, собравшись в одном купе, молча сидели на полках, на полу. У окна тихо играл Франц Бокмюллер. У его ног примостился Андрей. Он, не отрываясь, смотрел на австрийца, выводившего простую

плавную мелодию, одинаково понятную русским и венграм, австрийцам и чехам. Ильин поглядел на бойцов. Их лица, задумчивые, нахмуренные, были освещены улыбками.

Немолодой человек в выгоревшей солдатской гимнастерке со следами споротых погон невидящими глазами смотрел в окно. И откуда было знать австрийцу, что простенькая народная песенка, которую играл он на губной гармошке, так схватила за душу бывшего рядового 479-го Кадниковского полка, Павла Иванова. Вспомнилось такое родное... Вот Иванов с сынишкой укрепляет шест со скворечником — оба довольны, обоим радостно. Вот Иванов налегает на рукоятки плуга... А потом вдруг Иванов бежит в атаку. Он стреляет, рубит немцев, австрийцев, и все они почему-то похожи на Бокмюллера...

Играет австриец на губной гармошке. Мчится поезд. Пронесются мимо могучие деревья. Но не видит их Бокмюллер. В далеком австрийском городке идет он по улице с двумя сыновьями-близнецами. Он покупает им свистульки. А потом работает в своей мастерской. Как весело летят стружки! Золотые, пахучие, удивительно ласковые стружки... И все это кончилось 1 августа 1914 года. Францу дали пулемет, и он стрелял в русских, одетых в такие же серые шинели, как и он сам. Русские были очень похожи на сидящего напротив человека, кажется, Иванов его фамилия...

Франц резко оборвал мелодию и взглянул на соседа. Тот пристально смотрел на Франца. Неожиданно Иванов встал и, подойдя к ав-

стрийцу, протянул недокуренную «козью ножку».

— На, покури, устал небось.

— Спасибо, — сказал австриец, беря самокрутку.

Увидав Ильина и Мате, Бокмюллер встал и доложил:

— Старший по вагону Франц Бокмюллер. В вагоне все в порядке.

Ильин коротко рассказал об обстановке.

— Необходимо как можно быстрее выгрузить золото, — закончил он.

Когда поезд остановился и высланные разведчики доложили, что вокруг никого нет, началась выгрузка золота. Мешочки переносили в глубокий овраг и тщательно маскировали ветвями, листьями, дерном. Как только работа была закончена, Лавров разогнал состав и на ходу выскочил из паровоза. Поднявшись с земли, он ощупал вывихнутую руку и тихо проговорил вслед удаляющемуся поезду:

— Приготовились встречать? Ну что ж, встречайте!

17

— Ну, слушайте. Наше начальство, значит, получило телеграмму и приготовилось. Что было — не передать! Всю станцию оцепили, засад понаделали пропасть. Птицын думал, ну все — быть ему в генералах. А тут, как на грех, эту телеграмму и Мишка Одноглазый получил. Слышали про такого бандюгу? Он тоже решил не плошать, да и разобрал путь.

Вот как наворочал! Поезд, сами видите, вдребезги, а золото — тю-тю!

— Может, его все-таки Мишка захватил?

— Нет, где там! Говорят, рвет и мечет. Пошел партизан искать, которые из-под носа у него золото увели.

Мате чуть приподнялся и посмотрел на говоривших. Из кустов, где он лежал, ему хорошо была видна большая группа людей на насыпи. В центре группы стоял высокий бородатый человек, видимо, бригадир ремонтных рабочих, присланных исправлять путь.

— Ну, а потом? — осведомился один из рабочих. — Потом-то что было?

Бородач продолжал рассказывать.

Мате пристально вглядывался в этого человека и чем больше смотрел, тем больше убеждался, что не ошибся.

...Иркутская тюрьма, куда бросили Мате, как только узнали, что он коммунист, была набита до отказа. В тесных одиночках сидело по десять — пятнадцать человек. Каждую ночь расстреливали коммунистов и каждую ночь приводили все новых и новых. Однажды в камеру втокнули высокого бородатого человека. Он был так избит, что не держался на ногах. Но едва он пришел в себя, его снова повели на допрос. Допросы повторялись каждый день — видимо, этот человек знал что-то важное, — и часто его приносили в камеру без сознания. Мате поражала непреклонность и воля этого коммуниста. Позже он узнал, что его фамилия Кедров, что он работал в Иркутске вместе с Постышевым.

Однажды ночью Мате вывели на кладбище

и велели рыть себе могилу. Мате отказался. Его начали бить. Били долго, с тупой, бессмысленной жестокостью. И только тогда прекратили побои, когда показалось, что Мате перестал дышать. Его бросили в канаву и ушли. Мате умер бы, если бы его не подобрала и не выходили рабочие-китайцы. Поправившись, он вместе с ними ушел в тайгу к партизанам и не знал, что стало с Кедровым.

И вот этот человек перед ним!

Мате встал и быстро пошел к насыпи. Бородач подался вперед, крепко стискивая ручку лопаты. И вдруг, отбросив ее, шагнул навстречу Мате.

— Ты? Живой? Не призрак?

— Я, — кивнул Мате. — Не призрак. Как и ты.

— Ну и живучий мы народ! — Кедров крепко обнял Мате. — Товарищи, — повернулся он к рабочим, — это венгерский коммунист. — И тихо сказал: — Тут все свои. Проверенные. Сам подобрал. Ну, рассказывай о себе — как ты, откуда?

— Потом, — остановил его Мате. — Значит, дорогу чинят твои люди?

Кедров кивнул головой и усмехнулся.

— Чиним. Да только не торопимся. Нам-то спешить некуда. Ну, пока расчистим, пока... метров двадцать еще покалечим — на Мишку, конечно, спишем. Потом, помолясь богу, да не торопясь, чинить начнем. Колчаковская-то армия катится назад, как по маслу, а поезда к фронту не идут из-за нас. Ни подкреплений, ни боеприпасов.

— Да, — кивнул Мате, о чем-то думая. — Да, так. Народ совсем свой?

— Совсем, — подтвердил Кедров.

— Хорошо. Сколько времени надо, чтобы починить путь?

— Ну, если возьмемся по-настоящему, значит, за полдня управимся.

— Так... Сегодня в 4 часа вечера будь здесь. Может быть, дорогу придется чинить быстро.

Кедров удивленно посмотрел на Мате.

— Да разве... — почти вскрикнул он.

Мате поднял руку, не то предупреждая о молчании, не то прощаясь, и быстро ушел.

Через два часа он уже был далеко в тайге, на дне густо заросшего кустарником оврага. Ильин, Марков и Лавров лежали в кустах. Мате передал свой разговор с Кедровым.

— Можно рассчитывать на его помощь.

— Это неплохо, — сказал Марков, грызя травинку. — Но я предлагаю другое. Золото нужно надежно закопать, а самим пробираться в глубь тайги, к партизанам. Когда же Колчак будет разбит, золото переправим в Москву.

Наступило молчание.

— Нет, — отрезал Мате, — Оставлять золото здесь нельзя. Ясно, что и бандиты, и колчаковцы обшарят каждый клочок тайги в этом районе.

— Я тоже так думаю, — кивнул Лавров.

— Значит, примем помощь рабочих, — заключил Ильин. — Надо предупредить наших.

Он пошел по дну оврага, вглядываясь в ча-

щу кустарника, где сидели и лежали бойцы. Люди устали до крайности, но никто не смыкал глаз. Огромное напряжение владело всеми с той самой минуты, когда выяснилось, что о поезде стало известно по линии.

Неожиданно где-то вдали затрещали выстрелы. Застрочил ручной пулемет. Ему ответил «максим». Бойцы напряженно прислушивались.

— Спокойно, товарищи, — сказал Ильин. — Передайте по цепочке: не обнаруживать себя ни в коем случае.

Бой приближался: выстрелы трещали все громче. И вдруг стрельба стихла.

18

Бокмюллер и Андрей находились в разведке километрах в двух от оврага. Выстрелы раздались совсем рядом, на опушке леса. Разведчики залегли в кустах.

Когда все стихло, Бокмюллер, приказав Андрею оставаться на месте, неслышно пополз к опушке. Вернулся он нескоро.

— Это белогвардейцы из города, — зашептал он на ухо Андрею. — Вышли искать бандитов. Они думают, золото захватил какой-то атаман Одноглазый. Хорошо запомни, что я тебе говорил.

Андрей удивленно поднял глаза.

— Слушай, сейчас все будешь понимать, — нетерпеливо продолжал австриец. — На этот отряд напал тот самый Одноглазый. Он напал неожиданно и скрылся. У белогвардейцев есть раненые и убитые. Сейчас часть отряда пойдет

обратно в город, понесет раненых, а другие пойдут дальше, туда, — Бокмюллер показал в сторону оврага. — Я слышал разговор офицеров. Они будут искать долго. Им приказано не возвращаться в город без золота. Или хотя бы без «языка».

— Почему ты все это рассказываешь мне? Почему ты сам не расскажешь об этом Ильину или Маркову? — испуганно спросил Андрей.

Франц положил руку ему на голову и ласково потрепал волосы.

— Потому, мальчик, — сказал он тихо, — что, кроме этих слов, ты передашь мой последний привет товарищам. Я больше не вернусь.

Андрей судорожно вцепился в руку австрийца.

— Франц Иванович, дядя Франц, не надо, — прошептал он, поняв, что хочет сделать Бокмюллер.

Тот осторожно высвободил руку.

— Я пойду к ним. Я обману их и задержу. Вы успеете спасти золото Советской республики. Ты скажешь товарищам: Франц Бокмюллер умер честным. Ты это скажешь товарищам, мой мальчик?

Андрей беззвучно плакал. Бокмюллер взял его за подбородок и поднял голову.

— Не надо, мальчик.

Он вынул из кармана старый бумажник и раскрыл его.

— Это моя карточка коммуниста. Отдай товарищу Мате. А это тебе, на память, — он протянул Андрею помятую и сильно потертую фотографию. На ней была снята семья Бок-

мюллера — он сам, молодой, в белом крахмальном воротничке, красивая молодая женщина и двое мальчишек, удивительно похожих на отца.

— Фотографировались перед самой войной, — тихо сказал Франц. — Они все считают меня убитым. Когда-нибудь ты напиши им про меня. Пусть знают, что их отец погиб не за Австро-Венгерскую монархию, а за красное знамя. Пусть они это знают. Сделаешь?

— Честное слово, — сквозь слезы ответил Андрей.

Бокмюллер порывисто обнял его и, круто повернувшись, пошел к поляне. Андрей знал, что он должен немедленно идти к своим и рассказать все. Но он не мог сейчас уйти. Он тихо прокрался за Бокмюллером и спрятался в кустарнике.

Австриец будто случайно вышел на поляну, потом, заметив солдат, рванулся в кусты, но его схватили.

— А, попался! — закричал подбежавший молодой офицер. — Партизан?

Бокмюллер молчал.

— Молчишь? — офицер ударил его в лицо. — Молчишь, мерзавец! А ну-ка, ребята!

Солдаты набросились на Бокмюллера. Андрей закрыл глаза, с такой силой сжав кулаки, что ногти глубоко врезались в ладони. Он слышал, как били Бокмюллера, как тот слабо стонал, когда удар был слишком тяжел.

— Хватит! — скомандовал офицер.

Солдаты отступили, оставив на траве распростертое тело Бокмюллера.

— Будешь говорить? — наклонился над ним офицер.

Бокмюллер молчал.

— А ну-ка, ребята, — снова махнул рукой офицер, но другой, постарше, остановил его:

— Подожди, Антипов, так ничего не выйдет. Ты же знаешь их большевистскую породу. Прimitивным способом язык ему не развяжешь. А наши молодцы, чего доброго, перестараются и разлучат его душу с телом. Пусть сам полковник допросит его по всем правилам науки — у него-то он заговорит. Немедленно возвращаемся в город!

Трое солдат подняли пленного с земли.

Последнее, что видел Андрей, — белое и, как ему показалось, очень красивое лицо Франца.

Андрей отполз от поляны, потом побежал. Пот градом катился по лицу, ноги подкашивались, а он все бежал, думая лишь о том, как бы поскорее добраться к своим.

Мате первый увидел Андрея и сразу понял: что-то случилось.

— Где Франц? — быстро спросил он.

Андрей протянул Мате партийный билет Бокмюллера.

— Он велел вам передать... он не вернется. — Андрей плотно прижал к лицу ладонь, стараясь унять прыгающие губы. Плечи его затряслись.

Мате, а за ним остальные, обнажили головы.

В условленный час Мате и Ильин были на насыпи. Кедров уже ждал их.

— Чем можно помочь вам? — сразу начал он. — Я спрашиваю как член подпольного ревкома города.

— Сначала расскажите, что делается на линии, — ответил Ильин.

На насыпи неторопливо возились рабочие. Изредка доносился тихий звон — вбивали костыли, иногда кто-то нутужно кричал: «Раз, два — взяли!»

— Из-за этого бандита, — усмехнулся Кедров, — не могут пройти эшелоны. Уже образовалась пробка. Как только починим путь — эшелоны пойдут один за другим. И воинские, и санитарные. Санитарные пропускают без задержки, зеленую улицу им дают. Видно, большие потери.

— Да, а ведь это... — Мате быстро повернулся к Ильину. — Санитарный поезд — это очень хорошо.

— Сможете вы починить путь к ночи? — поняв, что задумал Мате, спросил Ильин.

— Да, управимся при желании.

— Товарищ Кедров, этим вы очень можете нам.

Ночью поезда один за другим пошли по исправленному пути. Партизаны и рабочие смотрели на проносящиеся мимо составы.

— Сколько, ты говоришь? — в который раз спрашивал Мате Кедрова.

— Десять, — спокойно отвечал тот. — Сведения точные.

— Прошло пока восемь. Не ошибиться бы. Промчался девятый санитарный поезд. Мате взволнованно ходил вдоль насыпи. Показался поезд.

Рабочий замахал фонарем. Было слышно, как поезд замедляет ход. Лязгнули буфера вагонов — состав остановился.

Из будки высунулся машинист, пытаюсь разглядеть, что случилось. Но было слишком темно и, ругнувшись вполголоса, он слез на землю.

— Что тут у вас?

— Да вот разошлись стыки, — ответил рабочий.

— А, чтоб вам! — сплюнул машинист и повернул обратно.

Но не сделал он и двух шагов, как застыл с поднятыми руками: прямо на него был направлен пистолет.

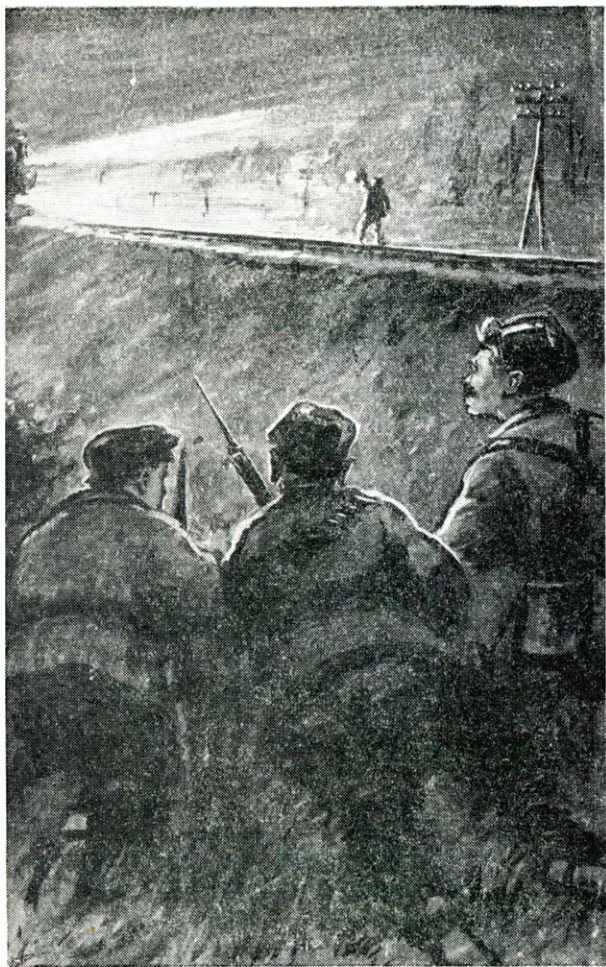
— Без паники, — услышал он. — Присядьте в сторонке и отдохните.

Машинист, как подкошенный, повалился на траву.

— Вы меня расстреляете? — спросил он дрожащими губами.

— Видно будет, — уклончиво ответили из темноты. — Трибунал потом выяснит, что вы делали у Колчака. И какой вред приносили народу.

— Значит, вы не бандиты, — обрадовался машинист. Он знал, что красные лишь в редких случаях расстреливают без трибунала. А машиниста санитарного поезда да еще на-

сильно мобилизованного, красные расстреливать не будут.

— Нет, мы не бандиты. Хотя лично господин Колчак и его холуи считают нас самыми что ни на есть бандитами. Ну, а трудовой народ имеет другое мнение...

— Почему вы разговариваете с арестованным? — быстро спросил кто-то.

Боец вскочил.

— Виноват, товарищ Ильин. Ведь это машинист...

Ильин хотел что-то сказать, но к нему подбежали:

— Охрана и прислуга поезда арестованы!

— Прекрасно. Начинаем погрузку.

Ильин ушел. Боец посмотрел на машиниста и погрозил ему пальцем.

— Смотри, не болтай больше.

Машинист кивнул.

...Филиппов таскал мешочки и складывал их у последнего вагона. Иванов подхватывал и закидывал в тамбур. Работа шла быстро. Вдруг Филиппов услышал слабый звон. Он нагнулся и нащупал развязавшийся мешочек. Ругая себя за неосторожность, Филиппов подал его товарищу.

— Положи этот мешок отдельно, — попросил он.

— Зачем?

— Ну, просят тебя.

— Ладно, ладно, — согласился Иванов, — только давай быстрее. Видишь, все уже почти погрузили.

Филиппов исчез в лесу и вновь вернулся, с трудом неся три мешка.

— Все.

— Славу богу! А то мы последние. Ну, давай мешки и лезь сюда.

Филиппов подал, но в вагон не поднялся, а присел на корточки и стал лихорадочно шарить по земле руками. Вдоль состава быстро прошел Мате. Послышалась команда:

— По вагонам!

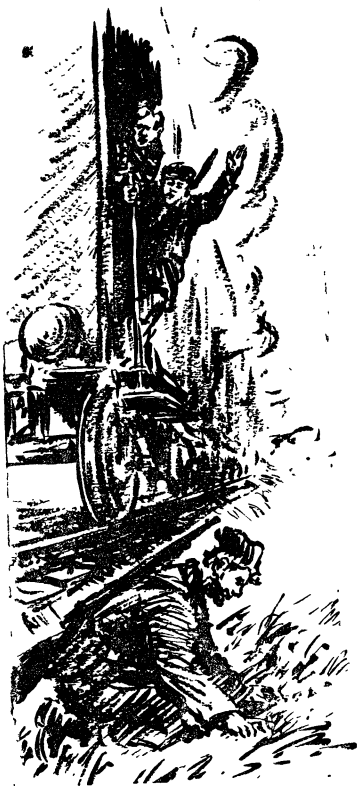
Коротко свистнув, поезд медленно двинулся с места.

— Ну давай же, давай скорее! — кричал Иванов все еще сидящему на корточках товарищу. А тот будто не слышал.

Наконец Филиппов вскочил и бросился вслед за поездом.

— Ох, и глупый же ты человек! — покачал головой Иванов, когда он вскочил на подножку. — Ведь чуть не остался.

— Сам ты глупый, — беззлобно отозвался Филиппов. Он вытащил из кармана несколько монет и осторожно сдул с них землю и травинки. — Видал, — протянул он Иванову ла-

донь. Это, небось, не хозяйское золото. Где тот мешок, который я отложить просил?

— Вот он.

Филиппов осторожно одну за другой опустил в мешочек монеты и крепко завязал его.

— Дай, пожалуйста, закурить, — повернулся он к Иванову. — Я вроде бы кисет выронил, когда монеты эти искал, а поднять некогда было.

— На, возьми мой, — сказал Иванов. — Бери совсем.

— А ты как же?

— Да у меня еще есть, — солгал он. — И ты не откажешь, если попрошу табачку. Верно?

20

Ильин и Марков вошли в служебный вагон.

— Мы, пожалуй, здесь разместимся, — кивнул Ильин на крайнее купе.

— Мне все равно, — отозвался Марков.

Он выглядел совсем больным — сказались волнения последних суток.

«Не стоило ему ехать с нами, — подумал Ильин, сочувственно глядя на посеревшее лицо Маркова. — Ведь он немолод, и здоровье подорвано».

— Устраивайся, Петр Иванович, — мягко сказал он, — отдыхай. А я пойду познакомлюсь с начальником поезда.

Марков поморщился.

— И охота тебе со всякой колчаковской мразью разговаривать? Арестуй его и все.

— Да, так и сделаю. Надо только допро-

сить и выяснить кое-что о санитарных поездах, чтобы на каком-нибудь пустяке не провалиться.

Ильин открыл дверь соседнего купе. Начальник поезда встал ему навстречу, одернул китель и, сверкнув из-под пенсне серыми молодыми глазами, спокойно сказал:

— Налет на санитарный поезд является нарушением международных норм. Поэтому я...

— Протестуете?

— Да, протестую.

Ильину понравился этот молодой спокойный офицер с интеллигентным лицом. Он колебался в своем решении немедленно арестовать его.

— Вы правы, доктор, — сказал Ильин. — Мы нарушили международные нормы. Но разве все, что делает ваше командование, не является нарушением простых человеческих норм?

По лицу офицера пробежала тень.

— Прошу не агитировать меня. Я ваш пленный, и поступайте так, как следует поступать с пленными. А действия господина Колчака меня не касаются. Я только врач и обязан делать то, что делают врачи всюду, независимо от того, в каком лагере они находятся... Если позволите, после обыска я захвачу свои личные вещи. Они вот тут, — он указал на небольшой аккуратный портфель. — Прошу проверить. Здесь нет ни оружия, ни чего-либо другого, интересующего вас.

— Где вы учились? — вдруг спросил Ильин.

— Взят в армию с четвертого курса Петроградского психоневрологического института, — ответил офицер.

— А меня исключили с третьего курса горного. Так что мы коллеги. Моя фамилия Ильин.

— Лунев, — слегка поклонился офицер.

Ильину все сильнее нравился этот офицер. И колебался он недолго.

— Господин доктор, — он встал, подчеркивая этим значимость своих слов, — вы останетесь здесь и будете делать то же, что делали до сих пор.

— Простите, не понимаю.

— Вы останетесь начальником поезда. Нам надо как можно ближе подойти к линии фронта. Красные кресты вашего поезда служат надежной защитой, а большие потери колчаковской армии — гарантией скорейшего продвижения. Вот все, что я могу сообщить. И вы не станете нам мешать.

Серые глаза врача прищурились в усмешке.

— А вы не боитесь, что на первой же станции я вас выдам?

— Мы постараемся принять меры, — ответил Ильин. — И, кроме того, мне кажется, вы этого не сделаете.

— Почему? Или вы так уверены в себе?

— Я не очень уверен. Но, очевидно, вы уже начали понимать обреченность тех, кому служите, и безнадежность дела, которое они затеяли... Повторяю, вы не пленный. Вы можете свободно ходить по всему поезду, я дам распоряжение часовым.

— Благодарю вас, — ответил Лунев, — мне этого не надо.

Ильин вернулся в свое купе.

— Слушай, Мате, — он передал ему свой разговор с Луновым. — Но, может быть, я ошибаюсь? Может, напрасно я его не изолировал?

— По твоим рассказам, мне он тоже понравился, — ответил Мате. — Ему почему-то хочется доверять. Мне кажется, что он честный человек. И у Колчака находится по ошибке.

...Расчет на скорое продвижение оказался правильным — санитарные поезда пропускали без задержки. Не останавливаясь, поезд прошел мимо города, где Птицын допрашивал Франца Бокмюллера.

Ильин и Мате долго смотрели в окно, думая об одном и том же.

Ночь прошла спокойно. Марков спал, трудно дыша, дремал и Мате. Ильин долго не решался будить их и, наконец, тронул за рукав Мате.

— Проснись, надо посоветоваться... Через несколько часов будет большая станция. Предпоследняя перед фронтовой полосой. Нам необходимо сменить паровоз. Но только паровоз, машинисты должны остаться наши. А как это сделать?

— По-моему, — не сразу ответил Мате, — надо послать на станцию Лунева. Ни ты, ни я не сможем этого добиться. А Лунев сможет.

— Если захочет.

— Если захочет, — согласился Мате.

— Я думал об этом. Большой риск все-таки, — покачал головой Ильин.

— Согласен. Но, если пойдет кто-нибудь из нас, риск не меньший. И потом, с Луневым пойду я. Пусть он знает, что лишнее слово или лишний жест будет стоить ему жизни. Поговори с ним.

Лунев выслушал внимательно, ни разу не перебив Ильина. Он был так же спокоен, но за ночь лицо его осунулось; Ильин понял, что он не ложился.

— Я подумаю, — ответил Лунев.

За окнами потянулись ветхие домишки окраины, потом показались пузатые купеческие дома и лабазы, а Лунев все молчал. Ильин терпеливо ждал. Он знал, что Мате, переодетый в форму колчаковского офицера, нервно ходит по коридору, что времени в обрез, и все-таки ждал.

— А если я откажусь? — наконец спросил Лунев.

— Мы не будем вас заставлять. Но...

— Вы хотите сказать, что это в моих интересах. Я должен купить себе жизнь. Так?

— Нет, мы не расстреляем вас, если вы откажетесь, — ответил Ильин.

Лунев опять отвернулся к окну.

— Что же вы молчите? — не выдержал Ильин, чувствуя, что поезд замедляет ход.

— Обдумываю свой разговор с военным комендантом, — блеснув пенсне, ответил Лунев. Ильину показалось, что в его голосе прозвучала не то издевка, не то вызов.

Лунев встал, по привычке одернул китель и мельком взглянул в зеркало.

Поезд подали на третий путь, и к вокзалу пришлось пробираться под вагонами соседнего эшелона. Слышались визгливые переборы гармоники и частушки. Солдаты сгрудились у открытых дверей вагона, хохотали и солеными шутками встречали каждую новую частушку. Пронзительно гудя и извергая белые клубы пара, по первому пути промчался на восток санитарный поезд.

— Тифозные. Вишь, нельзя в городе останавливаться, — пожилой солдат, кряхтя, нагнулся и стал поправлять обмотку.

— Ну, и правильно, — ответил второй, с ефрейторскими лычками на погонах. — В городе, небось, резерв расквартирован, а тут зараза.

— Так-то оно так, а куда их повезли? В тифозные бараки. Ты видал хоть одного, который вышел из этих бараков?

Лунев быстро пошел к зданию вокзала. У массивной двери с надписью «Военный комендант» он на секунду задержался и через плечо посмотрел назад. Но, встретившись глазами с Мате, толкнул дверь.

В густых клубах табачного дыма сидело несколько штабных офицеров.

— А, Константин Александрович! — радостно воскликнул комендант, протягивая Луневу обе руки. — Рад, очень рад вас видеть.

Несмотря на военную форму и подполковничьи погоны, у него был сугубо штатский вид, да и сама комендатура напоминала какую-то тыловую канцелярию.

— Где же вы изволили пропадать, батенька? — продолжал комендант радушно, будто

находился в своей московской или петербургской квартире. — Забыли нас совсем.

— Я собой не распоряжаюсь, — слабо улыбнулся Лунев. — Вот видите, зашел в гости и то на секунду: требуется срочно оформить документы.

— Э, успеется, — мотнул головой комендант, будто отмахиваясь от назойливой мухи. Он взял из рук Лунева бумаги и положил их на край стола. — Расскажите-ка лучше, что у вас там делается.

— Да ничего особенного. Все по-прежнему.

— Как ничего особенного?! — комендант хлопнул руками по столу. — Видали, — повернулся он к офицерам, — ничего особенного! У них это стало в порядке вещей. Большевики ограбили казну верховного, а ему «ничего особенного».

— Нет, серьезно, Константин Александрович, — обратился к Луневу щеголеватый офицер с рукой на черной перевязи, — что там произошло? Мы получили телеграмму, секретную...

— Секретную? — усмехнулся Лунев.

— Вот именно, секретную, — захохотал комендант. — Не шифрованную даже, а открытым текстом. Секретная!

— Ну, это неважно, — покривился щеголеватый офицер. — Суть-то в другом. Как это могло произойти? — И где сейчас это золото, черт его дерит? Нам приказано обыскивать все поезда, вплоть до санитарных...

— Да? — вспыхнул Лунев. — Ну что ж, тогда и начнем с этого. Прошу вас, господа. Или вы уже отдали приказание?

— Ну, что вы, что вы, Константин Александрович. Я ведь это к слову. Просто очень хочется узнать, что там творится.

— Уверяю, господа, я знаю не больше вашего. Вот, может, господин капитан что-нибудь знает, — он повернулся к стоящему в стороне Мате.

— Действительно, господин капитан! — обрадовался комендант. — А Константин Александрович и не представил вас.

Лунев сделал вид, что не услышал последней фразы, а Мате не стал ждать, пока комендант повторит. Он приблизился к офицерам и быстро заговорил:

— Я кое-что знаю. Из достоверных источников, господа. Золото теперь у бандитов.

— Э, нет, батенька. Ваши сведения устарели. Золото, оказывается, у большевиков. Они пустой поезд под откос спустили. Провели всех.

— Да, это так и было. А потом бандиты все-таки захватили золото у большевиков.

— Что за черт! — воскликнул офицер с подвязанной рукой. — До нас дошли слухи, что Птицыну привели пленного партизана, австрийца какого-то. Он его два дня допрашивал. Наконец, этот австриец не выдержал, повел Птицына в лес...

— А я уверяю вас, господа, что золото у бандитов. У Мишки Одноглазого.

— Так его же, мы слышали, хлопнули, — вставил сидевший у окна прапорщик.

— Как же, хлопнешь его. Живуч, как кошка, — вмешался в разговор еще один офицер. — Бандиты — это какая-то особенная порода... — и он начал рассказывать что-то о

бандитах. Но его никто не слушал. Офицеры обступили Мате, почти совсем загородив от него Лунева. Воспользовавшись этим, Лунев нагнулся над столом коменданта и тихо сказал:

— У меня разговор к вам, Николай Иванович. Без свидетелей.

— К вашим услугам, — ответил комендант, сразу как-то поникнув. Он терпеть не мог «деликатных» разговоров, просьб, одолжений. Но Луневу, которого знал еще по Петербургу, отказать не мог.

— Выйдемте на минуточку, — попросил Лунев и обернулся.

Мате, продолжая что-то рассказывать, напряженно смотрел на него. Лунев заметил, как правая рука его опустилась в карман.

— Я к вашим услугам, — повторил комендант поднимаясь.

— Минуточку. При нашем разговоре должен присутствовать капитан, — и Лунев окликнул Мате.

Они прошли в маленькую комнату позади комендатуры.

— У меня к вам вот такая просьба, — начал Лунев, когда закрылась дверь. — Мне надо быстро оформить проездные документы.

— Господи, батенька, о чем может быть речь, — повеселел комендант. — Это мы мигом! Через пять минут можете трогаться.

— А осмотр поезда, поиски золота?

— Э, бросьте, — опять мотнул головой комендант.

— Хорошо, — впервые за все время улыб-

нулся Лунев. — Теперь второе. Мне нужен другой паровоз...

— Но?..

— И только паровоз. Без машиниста.

— Но как же? — растерялся комендант. — Зачем вам, батенька, другой паровоз? Мы мигом заправим ваш, и езжайте себе. Вы понимаете, время военное...

— Вот именно, время военное, дорогá каждая минута. Мне некогда грузить уголь и запасаться водой, это «мигом» продлится полдня, я же знаю.

Комендант молча сопел.

— А с машинистом что это вы затеваете?

— Машинист должен остаться прежний. Он человек проверенный, а рисковать во фронтовой полосе я не хочу.

— Задали вы мне, батенька, задачу, — отдуваясь, произнес комендант. — Погодите, дайте подумать.

— Помнится, когда-то за преферансом вы были смелее, — с ехидцей заметил Лунев. — Не боялись даже рисковать. А тут и риску нет никакого.

— Э, ладно, — махнул рукой комендант, — берите паровоз. Но только, — он приблизил лицо к уху Лунева, — только... тсс, между нами!

Впервые за весь разговор Лунев взглянул на Мате, и тому показалось, что он как-то странно посмотрел на его руку, опущенную в карман.

«Бойтся», — подумал Мате.

Комендант вышел отдавать распоряжение.

— Это друг моего покойного отца. А я,

может быть, подвожу его под трибунал, — тихо сказал Лунев и, не глядя больше на Мате, пошел к поезду.

21

Ильин не отходил от окна. Рядом застыл Марков. «Что-то случилось, — думал каждый. — Для оформления документов хватило бы и половины этого времени».

— Неужели предал? — не выдержал Ильин.

Марков быстро взглянул на него и, ничего не ответив, ушел в купе. Ильин услышал звук взводимого пистолета. «Молодец старик, — подумал он, — готовится к бою, не паникует, как я...» Мозг заработал быстро и четко. «Немедленно оповестить охрану поезда, подготовить взрывчатку...» Ильин уже двинулся по вагону, когда из-под стоящего напротив состава появился Лунев, за ним Мате. Лунев быстро прошел мимо Ильина, молча передал ему документы и скрылся в своем купе. Было слышно, как щелкнул замок.

Ильин расслабленно опустился на скамью.

— Ну, рассказывай, — потянул он за рукав Мате. — Как? Что с ним? — Он кивнул в сторону Лунева.

Мате с чувством облегчения снял колчатовскую форму.

— Думаю, что ему сейчас нелегко. Но вел он себя молодцом.

Вагон качнуло — прицепили паровоз. Через минуту новый рызок — за окнами медлен-

но поползли назад теплушки соседнего эшелона.

— Вот факт, — усмехнулся Мате. И он подробно рассказал обо всем, что было на станции.

— А мне кажется, Лунев вел себя так только благодаря вам, — произнес Марков, все еще белый от волнения. — Ведь вы стояли за его спиной с взведенным револьвером в кармане.

Мате вспомнил испуганный взгляд Лунева и ничего не ответил. Может быть, действительно только страх удержал Лунева от того, чтобы выдать партизан. А может быть, он не надеялся на оперативность растяпы коменданта и приберег свое предательство для другого случая?

— Сергей, ты не имел права идти на такой риск — выпускать офицера из вагона, — продолжал Марков. — Ты игнорируешь меня и доверяешь белогвардейцу. Я буду ставить об этом вопрос там, наверху, — Марков неопределенно махнул рукой.

— Не занимайся демагогией, товарищ Марков, — вспыхнул Ильин. — Ты можешь ставить вопрос, где угодно. Но для пользы дела я обязан был поступить именно так!

Марков, не дослушав, быстро вышел из купе.

— Ну что ты скажешь? — огорченно развел руками Ильин.

— Устал старик, изнервничался, — ответил Мате. — А за Лунева, я думаю, можно быть спокойным.

— Ну, нет, спокойным я буду только по ту сторону фронта, — усмехнулся Ильин.

— Поспи, Сергей, — Мате положил руку ему на плечо, — отдохни. Ведь третьи сутки спишь урывками.

— А ты?

— Ну, я. Я моложе тебя. — Ласково, но настойчиво он прижал голову друга к подушке. — Спи, если надо будет — сразу разбужу. Завтра утром последнее испытание Луневу.

— Завтра? — удивился Ильин. — Так быстро фронтовая полоса?

— Да, — кивнул Мате, — в комендатуре я посмотрел на карту. Фронт белых' здорово продвинулся... назад.

Ильин лег на полку, но уснуть не мог. Мысль о Луневе упорно не давала ему покоя. А что, если он только маскируется? И в последний момент все-таки выдаст? Ильин вспомнил наставление Шагова — в самом крайнем случае, если золото нельзя спасти, — взорвать поезд. Он знал, что Шагов говорил не от своего имени — таково было указание Москвы. Для этой цели в поезд погрузили большое количество взрывчатки... Впереди — последняя прифронтовая станция. Они должны получить пропуск во фронтовую полосу. Проверка документов здесь особенно тщательная, здесь работает контрразведка. Малейшее подозрение — и все кончено. Нужен Лунев. Но можно ли еще раз довериться ему?

С этой мыслью Ильин задремал.

Проснулся он рано и сразу вскочил на ноги. Поезд шел быстро, в вагоне была тишина. Мимо купе кто-то прошел.

— Проснулся? Доброе утро, — улыбнулся Мате, входя в купе.

— А ты где был?

— По вагонам ходил. Смотрел за порядком. — Он подошел к окну.

Солнце вставало из-за леса, его косые лучи просвечивали сквозь кроны. Казалось, полыхал огромный лесной пожар.

— Красиво, — задумчиво проговорил Мате. — Вот воюешь, воюешь, а красоты окружающей совсем не видишь.

— Так за то и воюем, чтобы видеть эту красоту.

— Я знаю, — по-прежнему задумчиво ответил Мате. — А все-таки жалко очень, что сейчас не видим... Может быть, потом я напишу книгу. Вот про все это. И про ту войну, и про гражданскую, и про то, как я человеком стал в плену...

Поезд с грохотом ворвался на мост и будто полетел над широкой спокойной рекой.

— А Тисса у нас не такая, — произнес Мате. — Нельзя мне возвращаться на родину. Я ведь приговорен к расстрелу за то, что воюю здесь. Но я все-таки увижу ее, обязательно. Ты веришь, Сергей?

— Да, верю, Мате. Очень верю, что ты увидишь свою родину свободной и счастливой. И, если надо будет, я отдам жизнь за твою родину.

— Спасибо, Сергей, — Мате крепко пожал руку Ильину. — Я это знаю.

Ильин набил трубку и закурил.

— Ну вот, с утра и за табак сразу, —

услышал он голос. В дверях стоял Марков и блаженно потягивался.

— Ну и выпался я сегодня! Прямо на славу! Спал, как младенец у Христа за пазухой.

— Вот и прекрасно, Петр Иванович. Сегодня нам предстоит трудный день.

— Что такое? — насторожился Марков.

— Последняя станция перед фронтом. Должны получить пропуск во фронтную полосу.

— Кто пойдет?

— Думаю, Лунев.

— Опять Лунев? — Марков помолчал, потом сел рядом с Ильиным и, положив руку ему на колено, заговорил таким тоном, будто убеждал ребенка.

— Ты меня просто удивляешь, товарищ Ильин. Ведь это же не шутка, ты должен понимать. А твои опыты, твои психологические эксперименты могут обойтись нашему народу очень дорого. Неужели ты думаешь, что Лунев сейчас, на этой станции, не выдаст нас? Это его последняя возможность, и он ее не упустит. Поверь мне, моему опыту, моим сединам, наконец. Это же прямой провал задания партии! — почти закричал Марков. — Идти должны мы.

— Успокойся, Петр Иванович, послушай меня. — Ильин и сам волновался, а Марков взвинтил его еще больше. Он понимал: опасения эти не беспочвенны. Марков имеет куда больше прав не доверять Луневу, чем Ильин верить ему. — Сейчас Лунев особенно необходим. Здесь работает контрразведка. А контр-

разведка у Колчака, как ты знаешь, неплохая. Только Лунев не вызовет подозрений.

Мате взглянул на них и снял с крючка офицерский китель.

— Пора собираться, — сказал он. — Другого выхода я не вижу. Идти самим — значит обресть себя на провал.

В ту же минуту в соседнем купе встал Лунев. Тщательно застегнувшись, он посмотрел на себя в зеркало, взял со стола листок бумаги и еще раз прочитал его. Этот листок он нашел у себя под дверью — кто-то ночью подсунул его. Явно измененным почерком на нем было нацарапано: «Офицер русской армии! Вы помогаете бандитам. Стыдитесь! Ваш долг патриота — немедленно, на первой же станции сообщить о том, что делается в поезде». Подписи, конечно, не было. Лунев смял записку, но, подумав, разгладил ее, аккуратно сложил и спрятал в карман. В коридоре уже ждал его Мате.

Соскочив на перрон, Лунев, не оглядываясь, направился к зданию вокзала, где помещалась военная комендатура.

22

Поезд отошел километров тридцать от станции и сбавил ход. Сейчас он двигался медленно, будто усталое животное, громко сопя и отдуваясь. Но даже при такой скорости через несколько часов он подойдет к пункту назначения — небольшому городку, вблизи которого шли бои. Там в него должны погрузить

раненых или тифозных больных. Еще полтора часа назад Ильин думал, что самое трудное — получить пропуск во фронтовую полосу. Но вот пропуск получен. Лунев и здесь оказался на высоте: он решительно, ссылаясь на опоздание поезда, потребовал пропуск, и ему без задержки выдали разрешение следовать дальше. Здесь также было известно о захвате золотого запаса. Ходили самые разнообразные и фантастические слухи о боях с бандитами, о крушении поезда, о партизанских налетах. Несмотря на то, что фронт катастрофически приближался, слухи эти очень занимали офицеров. Но Лунев отмалчивался, хотя и пообещал рассказать позднее что-то весьма любопытное.

И вот фронтовая полоса. Позади длинный путь по вражеской территории. Теперь перед партизанами встала задача — как перебраться через линию фронта.

— Может быть, остановиться и снова замаскировать золото в лесу? — как бы рассуждая сам с собой, сказал Марков.

— Нет, не годится — отозвался Ильин, — Во-первых, здесь не тайга, и я не уверен, что золото удастся незаметно сгрузить и надежно спрятать. А во-вторых, никакой гарантии, что через три-четыре дня на этом самом месте не пройдет линия фронта.

— Эх, развести бы пары, да на полной скорости проскочить фронт! — воскликнул Мате. — Вот было бы красиво!

— Красиво полетели бы под откос, — вставил Марков.

— Да я так, — смутился Мате, — я же по-

нимаю, что это невозможно, что путь перерезан.

Вошел Лавров. Все посмотрели на него так, как будто он мог что-то изменить или предложить выход. Лавров, не торопясь, сел и закурил, сразу окутав себя сизым облачком дыма.

— Дайте карту-то.

Он долго рассматривал, и, наконец, усмехнувшись, положил **на стол**.

— Значит, так. Примерно в часе езды отсюда, вот здесь, — он ногтем отметил место на карте, — от магистрали отходит ветка. Ветка сейчас заброшена. Вот даже тут, на карте, ее нет. Но она есть, я знаю. Я лет пятнадцать назад работал на ней.

— Куда она ведет? — быстро спросил Ильин.

— Раньше она связывала горные заводы. Длинная ветка. Это даже не ветка, а петля. Она вот здесь отходит от магистрали, — Лавров ногтем чертил по карте, — потом идет через горы...

— Туннель?

— Да, через туннели, и опять выходит к магистрали, примерно вот здесь.

— Так что если пройдем, окажемся по ту сторону фронта? — спросил Мате.

— Да, если пройдем.

— А пройдем ли? — Ильин по привычке забарабанил пальцами.

Лавров пожал плечами:

— Может, ветка разрушена. Ну, тогда пройдем, сколько удастся. Там, в горах, легче будет укрыть золото.

— Да, ты прав, — подумав, согласился Ильин.

— Может, ветку придется кое где подремонтировать, если она разрушена только временем, — продолжал Лавров. — А если разрушена специально, нам не пройти.

— Вот, вот. Если... если! — вскипел Марков. — Давайте решим, имеем ли мы право перед лицом партии, народа, революции полагаться на эти «если»?

— Перестань нас пугать, Петр Иванович, — Ильин старался говорить как можно сдержаннее. — Не надо каждый раз повторять «партия», «народ», «революция». Это большие слова. Не стоит трепать их попусту. Мы не меньше тебя думаем об ответственности и именно во имя этой ответственности идем на громадный риск. У тебя есть другие предложения?

Марков пожал плечами. В дверь постучали, и вошел Лунев. Молча, ни на кого не глядя, он положил поверх карты смятый клочок бумаги.

— Господа... простите, граждане, — он снял пенсне и нервно вертел его. Руки его слегка дрожали. — Это что, испытание или провокация?

Четверо смотрели на клочок бумаги не мигая. Лунев вытер пот со лба и вновь надел пенсне.

— Среди нас есть предатель, — тихо сказал Ильин.

Лунев откинул голову, будто его ударили.

— Предатель?

— Да! — Ильин стукнул кулаком по столу. — И этот предатель ищет способ совершить свое черное дело.

— И он нашел меня, — грустно усмехнулся Лунев. Он некоторое время молча смотрел на всех, потом тряхнул головой.

— Нет! — твердо сказал он. — Нет! Я мог бы давно вас выдать, мне это не трудно было сделать. Я понял, что везет этот поезд... — он в упор посмотрел на всех. — Я не выдал вас потому, что понял условную цену золота и безусловную ценность человеческого мужества и верности идее.

Он повернулся и вышел из купе.

23

— Вы в своем уме, поручик? — генерал поднял от бумаг голову и насмешливо посмотрел на офицера. — Я знаю, что государство Российское всегда было полно чудес. Но это уж слишком!

— Однако это так, ваше превосходительство.

Генерал мельком взглянул в подслеповатое окошко и, убедившись, что у крыльца ждет его адъютант с оседланной лошадью, кивнул поручику. Они вышли из маленького аккуратного домика, где помещался штаб. Артиллерийская канонада была явственно слышна даже здесь, в центре города. Начавшись вчера вечером, она до сих пор не прекращалась. Генерал вспомнил утреннюю сводку и поморщился, будто у него болели зубы.

Последние месяцы ему явно не везло. Все началось с проклятого Нового года... А ведь до этого дела складывались совсем неплохо: Самарская группа колчаковских войск сильно

потеснила красных и заняла город Белебей. Но потом красные перешли в наступление. Генерал прибыл в распоряжение командующего Самарской группой белочехов и белогвардейцев Войцеховского вместе с резервными частями — 12-й Уральской дивизией и французскими артиллеристами. Войцеховский надеялся с их помощью остановить наступление красных. Для этого были все основания: свежие, хорошо вооруженные и обмундированные части колчаковцев против измотанных и усталых, испытывающих острый недостаток в снабжении красноармейских полков. Но красные выбили белогвардейцев с занимаемых позиций и устремились на Урал. 31 декабря, как раз под Новый, 1919-й, год, красные взяли Уфу. С тех пор началась непрерывная цепь неудач генерала: восемь тысяч солдат на его участке фронта перешли к красным, мобилизованные местные жители и присылаемые из тыла новобранцы сотнями бежали в леса, организовывали партизанские отряды. Части несли большие потери, пополнений не было, «дружины Иисуса Христа» — отряды, сколоченные из богатого уральского казачества, преимущественно стариков, — оказались очень ненадежными.

22 января первая армия под командованием Тухачевского заняла Оренбург, на следующий день 25-я дивизия этой армии взяла Уральск.

Особенно усилилось наступление красных весной, когда в Четвертую армию прибыл новый командующий Михаил Фрунзе. Однако все это еще не было угрожающим, высшее

командование расценивало неудачи как временные. И действительно, в марте колчаковская армия, насчитывающая четыреста тысяч человек, вооруженная союзниками по последнему слову техники, снова начала продвигаться вперед. Но вскоре красные нанесли колчаковцам такие поражения под Бузулуком, Бугурусланом и Бугульмой, что для многих стало ясно — началось великое отступление. А Колчак не сдавался. Он рассчитывал на генерала Юденича. Английские и американские советники подробно информировали Колчака о состоянии дел в Петрограде, о заговоре в штабе Северного фронта. И кто же мог предполагать, что красные не только разобьют Юденича под Петроградом, но и не остановят ни на минуту наступление на Северном фронте? Нестя тяжелые потери, колчаковская армия откатывалась все дальше на восток. Генерал знал, что и на этом рубеже, где сейчас закрепились красные, она продержится недолго. Он уже отдал приказ о подготовке города к эвакуации.

Поручик почтительно кашлянул, и генерал очнулся от дум. Да, надо ехать на станцию. Совершенно нелепое сообщение о пропаже санитарного поезда разозлило его. Он не поверил рапорту военного коменданта, не поверил и докладу поручика.

Ловко, без посторонней помощи генерал вскинул свое грузное тело в седло и легонько дернул поводья. Застоявшийся чистокровный жеребец, сразу взяв в карьер, понесся по улице. На углу генерал оглянулся. Адъютанты догоняли его, а поручик был еще далеко. Генерал любил быструю езду и умел ценить на-

стоящих наездников; он презрительно смотрел на сидевшего мешком поручика, на его вислозадую лошадь, поднимающую тучи пыли. Хотелось сказать этому интеллигентному офицеру что-нибудь очень обидное, но генерал сдержался.

Однако раздражение его росло с каждой минутой. Канонада, предстоящая эвакуация, подготовка новых рубежей, наконец, мрачные перспективы — все это не могло не портить настроения. Не козырнувшего вовремя солдата он наотмашь ударил стеком и, не оборачиваясь, вошел в полутемную вокзальную коммандатуру.

— Что у вас тут происходит, черт побери! — кинулся он на маленького юркого человечка в майорских погонах. — Вы что, пьяны все или с ума посходили? Как это может пропасть целый поезд? Это же не иголка, черт возьми! И, насколько мне известно, поезда еще не летают.

— Вот получена телеграмма, ваше превосходительство, о выходе санитарного поезда № 266 с контрольного пункта, — засуетился юркий майор, — а его до сих пор нет. Хотя при любой скорости он должен был прибыть уже давно. Наверно, партизаны...

Генерал плюнул и выругался.

— Партизаны, партизаны! Всюду вам мерещатся партизаны! После того, как они под носом у ротозеев выкрали состав с золотом, вы считаете, что воровство поездов стало их специальностью. А почему вы не думаете, что в пути произошла поломка паровоза?

— Мне хочется так думать, — робко возра-

зил майор, — но я счел необходимым поставить вас в известность.

— Вы слышали что-либо о партизанах в этом районе?

— Нет, господин генерал.

— Вы? Вы? Вы? — генерал по очереди тыкал пальцем в офицеров. — Нет, никто не слышал. Я тоже не слышал. Так откуда же им взяться? Это же не грибы, что растут после дождя. — Генерал бросал слова и чувствовал, что ему не верят. Да и сам он не верил в то, что говорил. Он знал: партизанское движение на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке ширится с каждым днем, в тылу белогвардейцев активно действуют многочисленные партизанские отряды. «Партизан мне еще не хватало, — с каким-то тупым отчаянием думал генерал, кусая свой длинный запорожский ус. — Как раз перед эвакуацией города! А может быть, именно поэтому, узнав каким-то образом об эвакуации, партизаны появились здесь?»

Вспомнились слова английского генерала Нокса: «Можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бессмысленно помогать белым».

Эти мысли окончательно вывели генерала из равновесия.

— Пошлите по линии паровоз с двумя платформами. Произведите разведку. Тщательную! Командовать отрядом поручаю вам, поручик!

— Слушаюсь! — вытянулся побледневший поручик.

— Отправляйтесь немедленно! — генерал вышел, громко стукнув дверью.

...Старый маневровый паровозик «кукушка» медленно тащил две платформы. Притаившись за мешками с песком, сидели солдаты. Из щелей между мешками выглядывали тупые рыльца «максимов».

Третий час шел этот маленький состав, посланный на поиски пропавшего санитарного поезда. Поручик, лежа за мешками, напряженно смотрел вперед, боясь увидеть разобраный путь и искаженные, перевернутые вагоны. Но кругом было спокойно. Был тот час дня, когда солнце припекает особенно сильно. Все живое замерло, спрятавшись в тени, даже кузнечики умолкли. Поручику очень хотелось спать, но он боялся хотя бы на секунду оторвать глаза от полотна.

Вдруг впереди показалась темная точка. Поручик схватил бинокль. На соседней линии сиротливо чернели два вагона. Прижавшись плотнее к мешкам, поручик шепотом отдал приказ, и солдаты защелкали затворами.

Из поезда никто не показывался. Соблюдая все предосторожности, солдаты подошли к вагонам. Они были пусты. Поручик обшарил каждое купе и, не найдя ничего, распорядился двигаться дальше, чтобы предупредить встречные поезда о стоящих на пути вагонах. Второпях поручик не заметил одноколейку, круто отходившую от магистрали. У самой магистрали она была разрушена — разведены рельсы, вывернуты полусгнившие шпалы.

Прибыв на соседнюю станцию, поручик связался по телеграфу с генералом и доложил

о брошенных вагонах. Генерал приказал немедленно возвращаться. Подтверждение о похищении санитарного поезда, против ожидания, не взбесило, а испугало его: «Если они могут остановить и унести на руках поезд — иначе куда бы он делся без рельсов — то сколько же их, какая же это сила!»

Вернувшись в штаб, генерал сел писать донесение командующему фронтом о необходимости срочной эвакуации города и отхода частей на новые рубежи.

24

Теперь надо было по возможности уменьшить состав. Из двух последних вагонов на ходу перенесли мешки с золотом в середину состава и пустые вагоны отцепили. Несколько железнодорожников во главе с Лавровым пошли вперед, тщательно проверяя путь. В начале ветки он оказался исправным, и поезд медленно вошел в густые лесные заросли. Тотчас железнодорожники разобрали линию позади поезда.

— Ну, дай бог, чтоб и дальше так было, — Лавров снял фуражку, вытер пот и набил трубку.

Ильин быстро взглянул на него и отвел глаза. Ему казалось, что и Лавров, и Мате, и Марков, и даже бойцы — хоть они ничего не знали — смотрят на него с презрением.

В поезде есть предатель — и он не знал об этом! Теперь Ильин припомнил ряд мелочей, на которые раньше не обратил внимания. Например, испорченный тормоз у одного из

вагонов. Обнаружив это, Ильин удивился: ведь он сам после захвата поезда проверил вагоны — все было исправно. Он решил, что не заметил испорченного тормоза. А, оказывается, предатель рассчитывал как-то воспользоваться этой «случайностью».

Вспомнилась встреча поезда на одной из станций. По всем расчетам, телеграфная линия еще не была исправлена, из ставки не могли передать о захвате поезда. А здесь уже все было известно. И это Ильин отнес к случайностям. Поглощенный одной мыслью — обмануть врага, который находился вне поезда, он упустил из виду, что враг может находиться и внутри. Он поручил заботу о людях целиком Мате и думал лишь о маршруте. Теперь Ильин не мог простить себе этой преступной небрежности. В который раз перебирал он в памяти всех, находящихся в поезде. Бойцов интернационального отряда он не знал, зато рабочих-железнодорожников знал прекрасно. Знал их семьи, их быт, характеры, привычки. Он сам отбирал людей для этой операции. Иванов, Филиппов, Грищенко, Лобов, Грушин... — перечислял Ильин и твердо отвечал себе после каждой фамилии: — «Нет, не он».

Мысль о предателе угнетала не только Ильина. Начальник охраны поезда Мате считал, что всю ответственность несет он. «Неужели я плохо знаю своих бойцов? — думал он. — И почему я был таким близоруким?»

А враг был здесь, рядом. С минуты на минуту он предпримет свою последнюю попытку провалить задание. Как помешать ему? И что сделает предатель? Да и один ли он?

Поезд шел по заброшенной ветке медленно, будто ощупью. Рабочие-железнодорожники были все время наготове: в любую минуту могла понадобиться их помощь.

Когда разбирали путь, выяснилось, что в поезде нет никаких инструментов. В спешке забыли захватить даже лопаты. По правде говоря, никто не думал, что они потребуются. А вот теперь инструменты могли решить исход всего дела. И это ставил Ильин себе в вину.

Он нервно ходил по коридору вагона, то и дело глядя в окно. Огромные деревья близко подступали к полотну и вытягивали свои лапы, будто пытаясь задержать поезд. Солнце почти скрылось за лесом. Поезд шел по ветке часов восемь-девять, не меньше, и Ильин не знал, сколько пройдено — половина, четверть пути. Близится ночь. Можно ли идти по этой ветке ночью?

Мате неподвижно стоял на площадке последнего вагона. Марков сидел у окна, сосредоточенно глядя прямо перед собой. Лунев не выходил из своего купе. Никто не знал, скоро ли кончится это мучительное ожидание.

Стало темно — поезд вошел в туннель. Теперь было особенно заметно, как медленно он движется: темнота тянулась нескончаемо долго. Лавров говорил, что туннели идут один за другим. Но прошло немало времени, пока поезд снова нырнул в темноту. И опять потянулись томительные минуты.

Вдруг поезд резко дернулся и, лязгнув буферами, стал. «Все, конец. Путь покалечен», — пронеслось у Ильина в голове. Поезд медлен-

но пошел наза́д и, выйдя из туннеля, остановился. Ильин выскочил из вагона, бросился к паровозу. Лавров уже бежал ему навстречу.

— Завал! — крикнул он еще издали. — У самого того края туннеля.

— Идем!

Они вошли в туннель, и сразу на них дохнуло пещерным холодом. Каждый шаг их гулко повторяло многократное эхо. Большая куча песка, глины, щебня завалила выход из туннеля. Куча поднималась не до самого свода туннеля, да и по бокам были видны просветы. Перебравшись на другую сторону завала, Ильин и Лавров еще раз осмотрели его.

— Кому-то понадобилось закупорить этот туннель, — сказал Лавров, — но довести дело до конца не успели. Это лучше, чем обвал. Он мог бы совсем разрушить путь.

— Завал солидный. Раньше, чем за сутки, не расчистим.

— Может, и за сутки не управимся, — возразил Лавров, но, поймав взгляд Ильина, поспешно добавил: — Хотя, пожалуй, управимся. Обязательно управимся.

Через пятнадцать минут все, кроме часовых, были в туннеле. Одни — кто штыком, кто палкой, кто просто руками — рыли слежавшуюся землю, другие, приспособив санитарные носилки, оттаскивали эту землю. По предложению Маркова, для безопасности были высланы разведчики. Сам он с двумя железнодорожниками ушел назад, Андрей и еще двое партизан направились по ту сторону завала.

Ильин ходил вокруг поезда, то и дело оста-

навливался возле работающих и возвращался обратно. «Предатель где-то рядом, надо быть готовым ко всему», — стучало в мозгу. Вдруг он вздрогнул: он услышал выстрелы. С той стороны, куда ушел Марков. Сначала два, потом еще несколько револьверных, потом несколько винтовочных. Напряженно вглядываясь в темноту, Ильин почувствовал, как, бросив работу, выбежали люди из туннеля.

— Приготовиться, — не оборачиваясь, приказал он.

Через минуту короткая, но густая цепь лежала по обе стороны полотна. На флангах установили пулеметы, снятые с площадок вагонов.

— Загони насколько возможно состав в туннель, — сказал Ильин Лаврову.

Лавров поднялся на паровоз и бесшумно, как могут только опытные машинисты, сдвинул состав с места. Будто гигантская змея, вполз поезд в темную пасть туннеля. Ильин проводил его глазами.

Кто-то дотронулся до его плеча.

— Не найдется ли у вас лишней винтовки? — услышал он голос Лунева. — Я неплохо стреляю.

Ильин взял винтовку у пулеметчика и молча отдал Луневу.

— Спасибо, — сказал офицер.

Они лежали рядом, до боли напрягая глаза. Блестящая, будто начищенная луна освещала зеленоватым холодным светом узкую полосу дороги. И в это же мгновение на дороге появилась человеческая фигура. Человек бежал по шпалам, спотыкаясь, тяжело дыша.

Ильин узнал Маркова. Подбежав к цепи, тот бросился на землю и с трудом заговорил:

— Там отряд. Нас догоняют. Сейчас буду здесь... — Он перевел дыхание. — Я бежал. Те двое убиты... Белые сейчас будут здесь! — вдруг выкрикнул он. — Сопротивляться бессмысленно! Надо что-то делать с золотом! Раскидывать его, взорвать! Взорвать! — Он сжал кулак. — Я говорил. Я предупреждал. Ильин меня не слушал. Он провалил задание.

Ильин закусил губу: «нашел время выяснять отношения!»

«Взорвать туннель. Поезд засыпать породой. Им скоро его не откопать, а фронт приближается», — пронеслось в голове.

— Приготовиться к взрыву туннеля, — приказал он. — Мате, отведи людей. Если что, командовать отрядом будешь ты. Поведешь через фронт.

— А ты?

— Я взорву туннель, — и по тону Мате понял, что спорить бесполезно.

Через несколько минут сильный взрыв потряс тишину.

25

Андрей с двумя партизанами — сербом и румыном — прошли вперед по линии километров шесть. Они шли осторожно, вглядываясь в каждый холмик, в каждый куст. Впереди показался третий туннель. «Дойдешь до туннеля и возвращайся обратно», — вспомнил Андрей приказ Ильина.

— Товарищи, отдохнем немного и будем

возвращаться. — Садясь, Андрей провел рукой по траве. Ладонь стала мокрой от росы. «Завтра будет хорошая погода», — подумал он.

Издали донесся глухой взрыв. Все трое вскочили на ноги и, постояв секунду, пошли, почти побежали в ту сторону, к поезду. «Что там случилось?» — думал Андрей. Страшное слово «самоликвидация», сказанное однажды Лавровым, все время стучало в ушах. Сердце будто подкатывалось к самому горлу. Он то и дело оглядывался на прихрамывающего серба — пуля, давно уже застрявшая в бедре, не позволяла ему быстро ходить.

Вдруг впереди мелькнула тень. Все трое упали на землю и притаились. Человек шел быстро, не оглядываясь, отчетливо было слышно его хриплое напряженное дыхание. Андрей узнал Маркова. Он тихо окликнул его. Марков вздрогнул и сунул руку в карман.

— Петр Иванович! Это я! — Андрей подбежал к нему.

— А, это ты! — обрадовался Марков. — Как хорошо, что я встретил тебя.

— Что там?

Марков закрыл лицо руками.

— Все погибло, Андрей, все погибло!

— Поезд?

— И поезд и люди. Нас настиг большой отряд. Я спасся чудом. Пошел искать тебя. — Он замолчал, потом быстро спросил: — Кто там?

— Что? — не понял Андрей.

— Кто там? — нетерпеливо повторил Марков — Наши или...

— Не знаю, Мы никого не встретили.

— Значит, фронт проходит дальше. На этом участке должны находиться части генерала Товаркова.

— О чем вы, Петр Иванович? — Андрей плакал.

— Нет, это я так, соображаю, как нам лучше добраться к своим. Ну, пойдем, будем пробираться...

Андрей повернулся, чтобы позвать партизан, и вдруг почувствовал сильный удар в затылок. Деревья прыгнули вверх, небо наклонилось и наступила темнота.

26

Последнее, что помнил Ильин, — до боли яркая вспышка, грохот и удар в грудь.

Открыв глаза, он увидел белый потолок и сразу подумал: «В плену». Нельзя показывать, что он пришел в сознание. Надо выиграть хоть несколько минут, чтобы вспомнить все, подготовиться к допросам, пыткам...

— Все еще не пришел в себя? — услышал он чей-то рокочущий бас.

— Нет не пришел, — ответил другой голос, показавшийся знакомым.

Кто-то склонился над ним, пощупал пульс, приложил ко лбу руку. Ильин открыл глаза и узнал Лунева.

— Товарищ! — рванулся он, но тут же бесильно упал на подушки. Тупая боль пронизала все тело.

— Что со мной? — тихо спросил он.

— При взрыве вы ранены осколком поро-
ды, — ответил Лунев.

У Ильина перехватило дыхание:

— Поезд?

Лунев кивком головы позвал кого-то из глубины комнаты. Тяжело ступая, к койке подошел Лавров, за ним Мате.

— Поезд цел, — глядя в сторону, процедил Лавров.

— Цел! — закричал Мате. — Цел! Но где он? Засыпан породой! Марков предатель. А мы... мы... я даже не знаю, как это по-русски назвать. Я не знаю такого плохого слова!

— Подожди, Мате, — остановил его Лавров. — Спокойно. Я расскажу по порядку. Марков оказался предателем. Никакого отряда не было. И вообще мы были уже по эту сторону фронта. Как раз накануне наши здорово потрепали беляков и части генерала Товаркова отошли назад. Но Марков, видно, этого не знал. Он рассчитывал выстрелами привлечь колчаковцев. А не удастся — так заставить нас взорвать поезд. Он еще до взрыва успел скрыться. И ведь, гад, пробрался через туннель, чтобы мы не смогли его преследовать. Сначала мы не заметили его бегства — не до того было. Стали отходить и встретили отряд чекистов. Они возвращались с задания — ликвидировали какую-то банду, услышали взрыв и поспешили к нам. От них мы узнали о делах на фронте. Тогда мы вернулись. Нашли наших товарищей. Марков их застрелил. У обоих раны в затылках. Видно, он немного отстал и... помнишь было два револь-

верных выстрела сначала? А потом он поднял стрельбу, потом...

— Где Марков?

— Марков побежал вперед, — не сразу ответил Лавров, — хотел выйти к своим — это значит к белым, но наткнулся на Андрея. Он не заметил двух других, думал, что Андрей один, и попытался его убить. Но только ранил. Его захватили. Сейчас идет следствие. Оказывается, он не Марков вовсе, а известный прокуратор Ломакин.

— А мы не поняли этого и... не выполнили задания, — Мате заходил по комнате. — Надо ехать в Москву. Немедленно. Еду я, — произнес он.

Ильин сделал попытку приподняться.

— Что же ты скажешь?

Мате одернул гимнастерку, поправил кобуру маузера. Его добрые, всегда смеющиеся глаза были сейчас холодными, жестокими.

— Я знаю, что сказать, — ответил он. — Я скажу правду.

27

Мате шел по улице огромного, по-военному строгого города. В другое время он, так мечтавший побывать в Москве, обязательно исходил бы весь город пешком. Но сейчас Мате ничего не замечал: ни знаменитых охотных рядов, ни Иверских ворот, ни круглых афишных тумб, ни ярких плакатов — окон РОСТА. Мысли его были сосредоточены на предстоящем докладе. От волнения он все убы-

стрял шаг, и прохожие, удивленно глядя на почти бегущего военного, уступали ему дорогу.

Все время пути до Москвы он молчал, глядя в окно вагона, и никто в этом угрюмом необщительном человеке не узнал бы прежнего Мате. Сегодня утром он встретил знакомого венгра. Шандор, сидевший вместе с ним в лагере военнопленных, тоже был в партизанском отряде, затем в 4-й армии Фрунзе и теперь прибыл в распоряжение Реввоенсовета республики. Он рассказал Мате о гибели Франца Бокмюллера.

Три дня колчаковцы допрашивали и пытали его. На четвертый Бокмюллер заговорил. Он согласился указать, где спрятано золото. Он водил белогвардейцев по тайге двое суток, пока те не поняли, что австриец морочит их. Они зверски избили его и расстреляли. Когда Бокмюллера поставили к дереву, он запел «Интернационал». Все это рассказал Шандору офицер, перешедший на сторону красных.

Расставшись с земляком, Мате снова вернулся к своим мыслям, в тысячный раз повторяя приготовленный рапорт, подбирая наиболее верные, точные слова.

...Мате вошел в большую светлую комнату. Невысокий человек в очках поднялся ему навстречу.

— Начальник охраны поезда с золотым запасом, — доложил Мате.

— Пожалуйста, товарищ Мате, Владимир Ильич ждет вас.

Ленин сидел за столом и что-то быстро писал. Солнечные лучи падали на стол, рядом с Ленинским локтем. Увидев Мате, Владимир

Ильич встал, шагнул ему навстречу и крепко пожал руку.

— Здравствуйте, товарищ Мате. Садитесь. Рассказывайте, — Ленин указал Мате на кресло, а сам сел на стул, внимательно разглядывая собеседника.

Мате продолжал стоять.

— Что же вы молчите и почему не садитесь?

— Товарищ председатель Совета Народных Комиссаров! Товарищ Ленин, — Мате повоенному вытянулся. — Команда поезда не выполнила задания. В поезде был враг. Мы не узнали его. Поддались на провокацию... — от волнения голос Мате начал пресекаться, мало заметный акцент стал гораздо сильнее. — Я считаю, что за это надо всех наказать... Надо военный трибунал.

Веселые огоньки погасли в глазах Ильича. Он встал и остановился против Мате, заложив руки за спину и чуть склонив набок голову.

— Вы, конечно, были против взрыва, товарищ? — спросил он.

— Нет! — Мате прижал руки к груди. — Нет! Я первый был за взрыв, и меня первого надо наказать.

Ильич несколько секунд внимательно смотрел на Мате и вдруг широко улыбнулся. Он подошел к венгру и крепко обнял его.

— Мы очень любим, товарищ Мате, когда люди признают свои ошибки. Вы спасли золото — спасибо! Поезд мы скоро откапаем, и золото будет в руках его настоящего хозяина, в руках народа.

Ильич быстро прошел по комнате, заложив

руки в прорези жилета, и вновь остановился против Мате.

— То, что вы сделали, — архиважно. Вы спасли золото Республики. И вы сохранили гораздо более ценное — людей. Это настоящие люди, сделавшие почти невозможное! Я считаю, Владимир Дмитриевич, — обратился Ленин к вошедшему Бонч-Бруевичу, — что товарища Мате и других товарищей, отличившихся в операции с «золотым поездом», надо представить к награде. Очень прошу, займитесь этим делом.

Ленин быстро подошел к столу, выдвинул ящик и что-то достал из него.

— Советским правительством, я думаю, вы будете награждены почетным оружием. А это, прошу вас, примите от меня лично, — он протянул растерявшемуся Мате красивый кинжал с золотой отделкой.

— Спасибо, Владимир Ильич, — тихо сказал Мате.

— Нет, это вам спасибо. И передайте мою благодарность всем товарищам.

И Ленин крепко пожал руку Мате.

ОБ АВТОРЕ

Дмитриев (Эдельман) Юрий Дмитриевич родился в 1925 г. в Москве.

Вс время Великой Отечественной войны был на комсомольской работе.

После окончания в 1950 г МГУ работал учителем.

В 1956 году была опубликована первая повесть Ю. Дмитриева «Двинцы», в 1957 г. — «Зеленый патруль».

Юрий Дмитриев.
ЗОЛОТОЙ ПОЕЗД

* * *

Художник В. П. Харченко

Редакторы:

К. В. Анисимова,

К. Н. Чаевская

Технический редактор

А. Г. Самуйлова

Корректоры:

А. В. Канатова

С. А. Черняк-Быховская

Л00934. Сдано в набор 15/XI 1958 г.

Подп. к печ. 20/I 1959 г.

Формат бум. $70 \times 92\frac{1}{32}$ —4,25 п. л.
(4,97 усл. печ. л.).

В 1 п. л. 38 000 зн. Уч.-изд. л. 4,75.

Уч. № 200/3992. Тираж 90 000 экз.

(2-й завод 15 001—55 000).

Цена 2 р. 45 к.

Набрано в тип. Профтехиздата

Москва, Хохловский пер., 7. З. 1354.

Отпечатано в Худ. рем. уч. № 3.

Москва, Щербаковская, 41. Зак. 275

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

Цена 2 р. 45 к.

С 1/1-61 г. цена 25 коп.